

Гейл Стоукс

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

При рассмотрении проблемы трансформации восточноевропейских обществ на протяжении двух последних столетий необходимо исходить из фундаментального воздействия внешних сил, особенно промышленной и Великой французской революций, а также учитывать систему государств, в которой произошло пробуждение Восточной Европы к этим двум революциям. Здесь нет ничего унижительного, хотя такой анализ иногда проходит под рубрикой теории зависимости, потому что все общества в мире, в том числе и ведущие страны северо-западной Европы, сталкивались ровно с такой же ситуацией. Несмотря на заслуженную критику в адрес теории модернизации, нельзя не признать, что история большинства обществ включает продолжительный период, предшествующий наступлению индустриализации, краткий переходный период первого контакта и столкновения и настоящее, содержащее в себе первые намечки того, что может стать еще одним продолжительным периодом новых отношений между человеком и природой.² Поэтому кажется очевидным, что наиболее важными вопросами современной истории являются те, что связаны с основными событиями, произошедшими в Северо-Западной Европе с 1500 года. Но при обращении к специфике столкновения каждого общества с неизбежным эндогенные факторы должны рассматриваться наравне с экзогенными. И когда — нежеланный, незванный и неожиданный — индустриализм все же проник на кухни всех обществ в мире, получившиеся в итоге супы, хотя и были сварены из одних продуктов, имели свой индивидуальный вкус.

Это, конечно, справедливо и в случае с Восточной Европой, где гамма политических культур в первой половине XX века включала работающую демократию в Чехословакии, сильные крестьянские политические партии в Сербии и Болгарии, аристократический бюрократизм в Венгрии и авто-

1. Gale Stokes. "The Social Origins of East European Politics." In: Daniel Chirot, ed., *The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics from the Middle Ages until the Early Twentieth Century* (Berkeley: University of California Press, 1989), p. 210–251.
2. Ernest Gellner, *Thought and Change* (Chicago: University of Chicago, 1965).

ритарные правительства в Польше и других странах. Несмотря на распространенное среди современных ученых стремление искать единство в многообразии, исследователям Восточной Европы редко удавалось преодолеть такие различия. Трудно было избежать соблазна признать каждую из стран Восточной Европы особым случаем, поэтому отдельные ученые, работавшие независимо друг от друга, занимались простым перечислением этих случаев, а не общим анализом.

Проблема, естественно, не ограничивается Восточной Европой, и только крупнейшие синтезаторы или теоретики успешно справлялись с реальным многообразием. К таким успешным исследованиям относится и книга Баррингтона Мура «Социальные истоки диктатуры и демократии». Почему, задается вопросом Мур, промышленная и Великая французская революции привели к столь различным политическим решениям, как английское и французское парламентское правление, аристократическая монархия в Германии, коммунизм в России и Китае и милитаристская диктатура в Японии? Его ответ состоит в том, что политический результат развития зависит от отношений между тремя основными классами в момент, когда общество сталкивается с индустриализацией. Существование сильного и независимого городского торгового класса, способного установить контроль над национальной политикой, должно вести к демократическому капитализму. Если сильная буржуазия отсутствует, а класс землевладельцев поддерживает коммерциализацию сельского хозяйства, контролируя при этом государство, возникнет фашистский стиль. Если помещикам не удастся коммерциализировать сельское хозяйство до прихода в деревню рыночных отношений, то существует вероятность крестьянской революции, но только там, где связь между землевладельцами и крестьянами слаба. В этом последнем случае, скорее всего, возникнет коммунистическое общество, которым будет руководить интеллектуальная элита, предоставляющая крестьянам организационные навыки, необходимые для проведения революции.

При подробной разработке этой системы Мур не рассматривает малые страны, например, Восточной Европы, потому что, как говорит он, «основные причины их политики лежат за пределами их собственных границ».³ Предположение Мура, очевидно, заключается в том, что только большие страны обладают достаточно автономной социальной системой, способной оказать решающее влияние на структуру политической организации, которая возникнет после завершения переходного периода. Германия служит примером того, как землевладельческому высшему классу удастся ввести капиталистическое сельское хозяйство прежде, чем буржуазия обретет влияние, с консервативным политическим результатом. Английская буржуазия уже существовала к началу индустриализации, поэтому в результате возникла демократия. В Китае крестьянская или коммунистическая рево-

3. Barrington Moore, Jr., *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: Beacon Press, 1966), p. xii. Недавний анализ работ Мура см.: Denis Smith, *Barrington Moore, Jr.: Critical Appraisal* (Armonk, NY: M.R. Sharpe, Inc., 1983).

люция произошла тогда, когда капиталистические отношения пришли в деревню в условиях слабого контроля со стороны землевладельческого высшего класса.

И все же в одном важном отношении большие и малые страны в эпоху трансформации не слишком отличаются друг от друга: они вынуждены сталкиваться с требованиями экзогенных изменений, независимо от источника, при своих особых социальных условиях. По-видимому, нет никаких априорных оснований полагать, что важные элементы модели Мура могут влиять только на большие страны, обходя стороной малые. По крайней мере, кажется правдоподобным, что демократия в Чехословакии, аристократическая бюрократия в Венгрии, крестьянское движение в Болгарии и, возможно, даже смешанные результаты в других странах отчасти могли быть следствием социальной конфигурации в этих странах, когда они бросались в не слишком теплые объятия государственной системы. Такова гипотеза этой статьи. Чтобы проверить ее, я вкратце рассмотрю пять случаев восточноевропейского развития: Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Сербию. Тем, у кого нет желания отслеживать все повороты аргументации в сложном фактическом материале, можно посоветовать обратиться к концу статьи, где излагаются выводы относительно применимости модели Мура к Восточной Европе.

В ряде отношений политическая и социальная история чешских земель не подходила для создания демократии. Городское развитие Богемии и Моравии затянулось, крепостничество было отменено только в 1848 году, значительно позднее первой механизации богемской текстильной промышленности, а земли в Богемии были распределены неравномерно. В 1757 году только 0,5% богемских земель находились в собственности свободных крестьян. А по данным на 1902 год на 0,5% сельского населения, имевшего наделы свыше 100 гектаров, приходилась почти треть всех земель, тогда как мелкие землевладельцы (до 5 гектаров) составляли 71,6% населения и владели в целом всего 14,7% земель (средними наделами владело 28% крестьян, и на них приходилось 50% всех земель)⁴. Политическое устройство империи в XIX веке отражало это положение: бразды правления находились в руках императора и аристократии.

Тем не менее после Первой мировой войны Чехословакия стала, по общему признанию, «самым процветающим, прогрессивным и демократическим

4. Ivan T. Berend and György Ránki, *Economic Development in East Central Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries* (New York: Columbia University Press, 1974), p. 32; Arnošt Klima, "Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Bohemia," *Past and Present* 35 (1979): 53. В работах Беренда и Ранки содержится важный материал по экономическому развитию Центральной и Восточной Европы. См. особ.: Berend and Ránki, *East Central Europe in Nineteenth and Twentieth Centuries* (Budapest: Akademiai Kiado, 1977); Berend and Ránki, *The European Periphery and Industrialization, 1780-1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982); Berend and Ránki, "Underdevelopment in Europe in Context of East-West Relations in Nineteenth Century," *Studia historica* 158 (1980).

государством Центральной и Восточной Европы».⁵ Во главе с множеством необычайно взвешенных фигур, таких как Томаш Масарик, Эдуард Бенеш и Антонин Швегла, новая республика Чехословакия создала политическую демократию, которая в состоянии была принимать трудные решения, наподобие девальвации своей валюты в 1919 году, при этом не исключая участия в общественной жизни даже для коммунистической партии. Может быть, чешская демократия и не была идеальной в том, что касалось обращения с национальными меньшинствами и строгости по отношению к исполнению партийной дисциплины и президентского руководства, и она была сметена событиями, которые не могла контролировать, но подавляющее большинство чехов и среди интеллигенции, и в обществе в целом к XX веку были уверены в ценности парламентской жизни.⁶ Чешские националисты утверждали, что все дело было в чешском национальном характере, которому со времен Яна Гуса был свойственен демократический дух сдержанности. Объяснение, больше отвечающее ходу мыслей Баррингтона Мура, должно заключаться в том, что чехи обрели национальное сознание в XIX веке, когда индустриализация и социальная дифференциация зашли уже достаточно далеко.

Текстильная промышленность была крупной отраслью (в Богемии XIX века была проведена механизация), но не была чем-то новым для чешских земель. В льноводческих областях в горных частях Богемии льняное полотно производилось с эпохи Средневековья. С созданием мирового рынка в XVI веке Богемия стала выходить на рынок не только через немецких торговцев в Нюрнберге и Аугсбурге, но и напрямую — через Милан, Испанию и Португалию. Процветанию этой торговли в Богемии наступил конец, когда в 1618 году чешская знать восстала против своего габсбургского короля. Потерпев сокрушительное поражение в битве при Белой горе в 1620 году, чешская знать была низложена, а ее земли были разделены между аристократами из других частей Габсбургской империи. Эта катастрофа чешского дворянства сопровождалась чудовищными последствиями Тридцатилетней войны. И хотя теперь принято занижать потери от этой войны в германских землях, чешские ученые по-прежнему говорят о гибели в Богемии почти половины населения.⁷ Но смена аристократии и демографическая катастрофа не изменили систему социальной стратификации. На деле послевоенное население росло (оно выросло почти в 2,5 раза за 130 лет, прошедших после окончания Тридцатилетней войны), а новая знать смогла навязать своим крепостным еще более жесткие повинности. Это второе издание кре-

5. Joseph Rothchild, *East Central Europe between the two World Wars* (Seattle: University of Washington Press, 1974), p. 134.

6. О чешской демократии после Первой мировой войны см.: Gregory F. Campbell, "Empty Pedestal?"; Gale Stokes, "Czech National Democracy: A First Approximation"; Roman Szporlek, "War by Other Means"; Campbell, "Politicized Ethnicity—a Reply," *Slavic Review* 44 (1985): 1–29.

7. Arnošt Klima, "Industrial Development in Bohemia, 1648–1789," *Past and Present* 11 (1957): 87.

постничества было связано не столько с внешней торговлей зерном, как это было в Польше, сколько с восстановлением торговли льном.

До Тридцатилетней войны немецкие торговые дома заключали договоры с городскими ремесленными цехами, находившимися в чешских землях, на покупку всей льняной продукции, консервируя тем самым цеховую систему опытных ремесленников, несмотря на вовлечение последних в международную торговлю. Но после разрухи Тридцатилетней войны большая часть льняного производства переместилась в деревню, где немецкие торговые дома и их агенты (представители) создали надомную систему. Торговый дом (предприниматель или представитель) поставлял крестьянским прядильщикам или ткачам сырье или давал деньги, необходимые для приобретения такого сырья, а затем забирал себе продукцию. Феодалных землевладельцев вполне устраивало такое перемещение льняного производства — даже в виде рассеянной мануфактуры — в деревню, поскольку крепостные обязаны были передавать им установленный объем ткани или нити. Рост продажи льна также приносил прибыль землевладельцам, поскольку крепостные платили им за разрешение на дополнительное производство ткани или нити. Эта система не отвечала идее индивидуального ремесленника, а напоминала систему наемного труда и потому получила название «протоиндустриальной».⁸ Созданная в целях внешней торговли система прекрасно работала и во внутренней торговле. Горные области, слабо связанные с сельскохозяйственным производством, занимались производством льняного полотна, которое продавалось жителям равнин в обмен на сельскохозяйственную продукцию, что создавало сравнительно сложное разделение труда в Австрии.

К 1660 году в Саксонию и Богемию проникли английские и голландские торговцы льном. Льняную ткань из Богемии перевозили по Эльбе в Гамбург, где ее красили, делали из нее одежду и реэкспортировали. Австрийские торговцы в XVII веке осознали, что эта торговля была невыгодна короне, поскольку Богемия просто поставляла необработанный лен (или необработанную шерсть) другим, которые превращали ее в более выгодную конечную продукцию. Уже в 1664 году Ф. В. Хернигк утверждал в своем трактате *Oesterreich über alles wann es nur will*, что Австрия может заметно преуспеть, если, среди прочего, она будет обрабатывать сырье самостоятельно.⁹ С точки зрения Хернигка и других меркантилистов, это означало не толь-

8. Franklin Mendels, "Proto-Industrialization: The First Phase of Industrialization Process," *Journal of Economic History* 32 (March, 1973), 241–261; Eckart Schremmer, "Proto-Industrialization: A Step toward Industrialization?" *The Journal of European Economic History* 10 (1981): 653–670; Herbert Maus, "Proto-Industrialization, Industrialization and Economic Development in Habsburg Monarchy: A Commentary," *East Central Europe* 7 (1980): 198–206; Richard L. Rudolph, "The Pattern of Austrian Growth from Eighteenth to the Early Twentieth Century," *Austrian History Yearbook* 11 (1975) 11–20. О влиянии идеи Мендельса см.: Charles Tilly and Richard Tilly, "Agenda for European Economic History," *Journal of Economic History*, 31 (1979): 184–198.

9. Arnošt Klima, "Mercantilism in Habsburg Monarchy — With Special Reference to the Bohemian lands," *Historica* 11 (1965): 95–119.

ко запрет на экспорт сырья и импорт конечной продукции, но и поддержку мануфактур и противодействие гильдиям, считавшимися тормозом на пути индустриального развития. Но потребовалось много времени, чтобы осуществить меркантилистские идеи на практике. Импорт иностранных товаров из льна был запрещен в 1702 году, а права ремесленных гильдий были урезаны только в 1731 и 1739 годах. Однако ко времени правления Марии-Терезы меркантилистские идеи уже пустили глубокие корни.

В начале XVIII века английские предприниматели осознали потенциальную выгодность осуществления всего цикла льняного производства в самой Богемии и начали строить белильные и красильные заводы. Арношт Клима описывает потрясающие успехи некоего Роберта Алласона, который в 1713 году создал самую крупную мануфактурную систему в Румбурке.¹⁰ Один местный дворянин, граф Филип Йозеф Кинский, был настолько очарован промышленными методами, что подписал контракт с Аллансоном, став, по сути, предпринимателем. И в этом не было чего-то необычного. В XVIII веке знать играла важную предпринимательскую роль в растущей протопромышленности Богемии.¹¹

Поражение Австрии в войне за австрийское наследство в сочетании с ростом населения привело к серьезным переменам в габсбургских землях. Когда Фридрих II захватил Силезию, Мария-Тереза начала искать способы централизации своего государства и укрепления своей экономики. При чем ее тревожила не только Пруссия, но и ухудшение благосостояния крестьянства вследствие роста населения — она осознавала, что стабильность короны может зависеть от улучшения экономического положения все более своенравных крестьян.¹² Под влиянием Кауница, который, будучи администратором в Милане, наблюдал за успешной работой либеральной экономики и увлекался идеями физиократов, Мария-Тереза согласилась ввести свободную торговлю в австрийских землях.¹³ И если прежде производители льна в Богемии могли наложить запрет на производство товаров из хлопка, то в 1763 году такие запреты были отменены.

10. Arnošt Klima, "English Merchant Capital in Bohemia in the Eighteenth Century," *Economic History Review* 12 (1959): 23–48.
11. Richard L. Rudolph, "Social Structure and the Beginning of Austrian Economic Growth," *East Central Europe* 7 (1980): 217. См. также: Jan Zak, "The Role of Aristocratic Entrepreneurship in the Industrial Development of the Czech Lands, 1750–1850." In Miloslav Rechcigl, Jr., ed., *Czechoslovakia Past and Present*, vol. 2 (The Hague and Paris: Mouton, 1968); Arnošt Klima, "The Role of Rural Domestic Industry in Bohemia in the Eighteenth Century," *Economic History Review* 27 (1974): 48–56.
12. Прекрасное описание снижения уровня жизни в середине столетия вследствие роста численности населения см.: John Komlos, "Stature and Nutrition in the Habsburg Monarchy: The Standard of Living and Economic Development in the Eighteenth Century," *American Historical Review* 90 (1985): 1149–1161. Комлос утверждает, что к 1750-м годам Габсбурги «осознали это снижение уровня жизни и приняли контрмеры» (р. 1157).
13. Franz A. J. Szabo, "Kaunitz and the Reforms of Co-Regency of Maria Theresa and Joseph II, 1765–1780," Ph. D. diss., University of Alberta, 1976, p. 270–291. Мария Тереза решила, что свободная торговля должна быть «основным правилом и твердым руководящим принципом», но Иосиф II оставался меркантилистом и протекционистом.

В 1775 году после того, как особенно серьезное крестьянское восстание со всей ясностью показало опасность, которую представляло беднеющее крестьянство, Мария-Тереза пошла еще дальше, ограничив барщинные работы для крепостного населения. В соответствии с указом, принятым в этом году, обязанности делились на одиннадцать категорий: крестьяне, имевшие самые большие наделы, должны были выполнять значительную часть барщинных работ, тогда как безземельные крестьяне, в зависимости от региона составлявшие от 40 до 60% сельского населения, обязаны были трудиться на феодала всего тринадцать дней в году, а все остальное время могли заниматься другими делами.¹⁴ По новым правилам, «запрещалось принуждать прядильщика работать на предпринимателя против его воли на условиях, невыгодных для работника. Более того, отношения между местным работником и его работодателем должны были основываться на контракте. При неисполнении одной стороной условий контракта вторая сторона также могла отказаться от исполнения своих обязательств».¹⁵ Указ о барщинных работах отражал желание Марии-Терезы, как она выразилась годом позднее, «распространить как можно больше свободы в торговле и промышленности во всех своих землях»; он позволил крестьянам, работавшим в протопромышленности, увеличить свои доходы и избежать мальтузианской угрозы.¹⁶

На Иосифа II больше повлияли устоявшиеся идеи меркантилизма, чем новые идеи свободной торговли, но он продолжил тенденцию к созданию более мобильной рабочей силы, объявив в 1781 году о так называемом освобождении крепостных. Крепостничество было окончательно отменено только в 1848 году, но указ Иосифа позволил крепостным жениться, менять место жительства, если они не имели долгов перед своими господами, и овладевать ремеслом без платы или разрешения.¹⁷

Приток иностранных торговцев, предпринимателей и специалистов, интерес богемской знати к торговле текстилем, снятие ограничений на производство хлопка и рост мобильности рабочей силы, обеспеченный реформами Марии-Терезы и Иосифа II, привели к созданию в Богемии в XVIII веке серьезной текстильной протопромышленности. К 1789 году количество людей, занятых в хлопкопрядении и хлопкоткачестве превысило 528 тысяч — чуть меньше, чем в льняной; это свидетельствует о невероятном развитии текстильной отрасли в Богемии еще до введения механических средств производства. В Моравии в 1780-х годах город Брно пережил настолько бурную трансформацию, что чешские ученые называли его «Манчестером Центральной Европы».¹⁸ К концу столетия незнатные предприниматели начали

14. Arnošt Klima, "Agrarian Class Structure"; William E. Wright, *Serf, Seigneur, and Sovereign: Agrarian Reform in Eighteenth-Century Bohemia* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1966), pp. 50–52.

15. Arnošt Klima, "Industrial Development in Bohemia," p. 97.

16. Helen P. Liebel, "Free Trade and Protectionism under Maria Theresa and Joseph II," *Canadian Journal of History* 14 (1979): 366.

17. Wright, *Serf, Seigneur, and Sovereign*, p. 75.

18. David F. Good, "Modern Economic Growth in the Habsburg Monarchy," *East Central Europe* 7 (1980): 252.

обгонять знать, преобладавшую до этого времени среди местных предпринимателей. Все большее число купцов, богатых крестьян, преуспевавших торговых агентов и процветавших ремесленников постепенно вытесняло аристократию. Капитала не хватало, и не было никакой банковской системы, которая могла бы оказать им поддержку, но опыт и заработки агентов и небольших торговцев в протопромышленную эпоху создали новую растущую группу, обладавшую многими чертами буржуазии.

Механизация этой уже развитой отрасли началась на рубеже XIX века, когда англичанин по имени Джон Торнтон открыл прядильную фабрику в Поттендорфе. В 1805 году в Богемии имелось 18 тысяч механических прялок; в 1827 году — 47 тысяч; в 1850 году — 550 тысяч; в 1880 году — 1,6 миллиона и в 1914 году — 4,9 миллиона.¹⁹ Внедрение хлопкопрядильных станков началось в 1815 году; в течение столетия широкое распространение получили ткацкие и прядильные станки сначала для шерсти, а затем и для льна. По классическому британскому образцу механизация текстильной промышленности требовала соответствующего роста добычи угля и машинного производства; и нововведения начали появляться также и в других областях. И здесь нельзя не вспомнить о создании свеклосахарных заводов, которые после 1848 года стали наиболее развитыми и прибыльными предприятиями в Богемии. К 1880 году более полумиллиона человек в Австрии и Богемии работало на современных промышленных предприятиях, а к 1913 году это число составило 2,3 миллиона человек.²⁰

Впечатляющее экономическое развитие, которое поставило Богемию в ряде секторов на второе место после Германии, но впереди Франции и Италии, не было таким уж гладким. Запаздывание урбанизации объяснялось отчасти традиционным размещением текстильной и свекольной отраслей в сельской местности, а отчасти поздним освобождением крепостных. Несмотря на появление множества способных местных предпринимателей, предпринимательской жилки многим по-прежнему не хватало. Но важно, что ко времени появления в Богемии национального сознания промышленное развитие с сопутствующей ему социальной дифференциацией шло уже полным ходом. Когда необходимая для политического действия интеллигенция приступила к анализу чешской ситуации, она уже имела в своем распоряжении растущий класс людей, экономически не связанных узами крепостничества.

Любопытно, что аристократия и опиравшийся на нее император служили инструментами для создания экономически независимого класса и способствовали приобретению этим классом политического образования.

19. Berend and Ránki, *Economic Development*, pp. 112, 114, 116.

20. Ibid., *Economic Development*, pp. 115–118. См. также: Arnošt Klima, “The Beginning of the Machine-Building Industry in the Czech Lands in the First Half of Nineteenth Century,” *Journal of European Economic History* 4 (1975): 49–78; Arnošt Klima, “Industrial Growth and Entrepreneurship in the Early Stages of Industrialization in the Czech Lands,” *Journal of European Economic History* 6 (1977): 549–574; Jaroslav Purš, “The Industrial Revolution in the Czech Lands,” *Historica* 2 (1960): 183–272.

И богемская знать, и корона в XVIII веке поддерживали protoиндустриализацию в Богемии — Мария-Тереза для усиления своей власти, а аристократия для увеличения своих доходов, — и protoиндустриализация заменила собой английскую смешанную систему при создании условий для возникновения независимого класса предпринимателей в Богемии.

И в XIX веке, когда число предпринимателей заметно выросло и началось зарождение рабочего класса, император и землевладельческая аристократия не перестали совершать действия, позволявшие представителям средних слоев получать политическое образование. В соответствии с Манифестом 1868 года, подписанным Францем-Иосифом, в Австрии создавалась двухуровневая система правления. По этой системе, губернатор провинции отвечал за «внутреннюю безопасность, налогообложение, военные дела, переписи, отправленные правосудия и надзор за органами самоуправления» в каждой провинции. Каждый губернатор назначал окружного капитана для надзора за этими направлениями деятельности в округах и общинах.²¹

Император предоставлял этим чиновникам широкие полномочия. Одновременно Франц-Иосиф создал второй административный уровень, включавший общинные и окружные органы правления, совещательные и исполнительные органы в провинциях, которые отвечали за все местные дела, не входившие в ведение капитанов. Хотя

теоретически все решения местных органов могли быть пересмотрены центральной бюрократией, их деятельность быстро стала слишком сложной и многообразной, чтобы над ней можно было осуществлять реальный надзор. В ведении органов местного самоуправления находились школы, дороги, больницы, помощь бедным и другие подобные вопросы; а многие муниципалитеты пошли еще дальше, создав систему общественного транспорта и даже общественного питания.²²

Австрийскую двухуровневую систему можно сравнить с российским земским движением, которое возникло примерно в то же время. В сравнении с Австрией, российские власти дали земства, которые должны были заниматься теми же проблемами, что и австрийские местные власти, но они обладали слишком малой свободой действий, что позволило Николаю II назвать попытки земских деятелей войти в политическую жизнь «бесплодными мечтами». Богемская экономика в 1870—1880-х годах была намного более разви-

АВСТРИЙСКУЮ ДВУХУРОВНЕВУЮ
СИСТЕМУ МОЖНО СРАВНИТЬ
С РОССИЙСКИМ ЗЕМСКИМ ДВИ-
ЖЕНИЕМ, КОТОРОЕ ВОЗНИКЛО
ПРИМЕРНО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ

21. Bruce M. Garver, *The Young Czech Party: 1874-1901 and the Emergence of a Multi-Party System* (New York and New Haven: Yale Press University, 1978), p. 37.

22. Ibid., *Young Czech Party*, p. 91.

той в сравнении с российской, уровень образования у чешского населения был выше, а традиция местного самоуправления — наследие эпохи *Ständestaat* — намного сильнее. В результате, в отличие от своих российских современников, либеральные чехи получили реальный политический опыт местного самоуправления. «Из сорока пяти младочешских депутатов, избранных в рейхсрат в 1897 году, — говорит Гарвер, — по крайней мере, тридцать пришли в политику из общинных или окружных политических организаций».²³ Более свободные порядки в Австрии сделали возможным даже появление легальной социалистической партии, представлявшей растущий рабочий класс, хотя она и подвергалась преследованиям, наподобие тех, от которых страдали немецкие социал-демократы до 1890 года. Появление крестьянской партии завершило картину, так что, когда в 1907 году всем мужчинам было предоставлено право на участие в выборах в нижнюю палату рейхсрата, богемские политики были готовы к тому, чтобы воспользоваться этой возможностью.

Здесь не место подробно описывать чешскую политическую жизнь в десятилетие перед началом Первой мировой войны или создание чехословацкого государства после нее. Этому успеху способствовало множество факторов, и не последнюю роль сыграла сильная личность Томаша Масарика. Но кажется очевидным, что успех Масарика во многом был обусловлен существованием норм демократического поведения в среднем классе, действенность которых была испытана чешскими участниками габсбургской политики. Сильные партии, преданные национальной демократии, подготовили почву для введения демократии создателями чехословацкого государства. Эти партии существовали, потому что чешское экономическое развитие определялось продолжительной историей протопромышленности и индустриализации, которая создала ушлый средний класс, сумевший использовать с выгодой для себя относительно узкую нишу, предоставленную ему господствующим классом землевладельцев и императором. Хотя члены этого господствующего класса землевладельцев сыграли важную роль в первоначальном создании протопромышленности и индустриализации в чешских землях, они не участвовали в муровской «революции сверху». Ко второй половине XIX века, когда чешская индустриализация шла уже полным ходом, среднему классу удалось отеснить знатных предпринимателей. Кроме того, у помещиков не было никакого современного государства, над которым могли бы установить свою власть. Вместо этого они участвовали в габсбургской системе, предоставив чешским политикам возможность самостоятельно прийти к новым нормам демократического поведения в местной и региональной политике. Поэтому исчезновение централизованного венского аппарата в 1918 году не создало вакуума опыта, а открыло свободу действий для подготовленной страны. Существовала группа партий среднего класса, которые могли прийти к власти и ввести демократическое политическое правление. Этот результат вполне согласуется с анализом Мура. Центрально-европейская индустриализация была наиболее силь-

23. Ibid., *Young Czech Party*, p. 96.

ной в чешских землях; в основе ее лежала развитая протопромышленная традиция; она создала средний класс, обладавший большим политическим опытом; и межвоенная Чехословакия стала демократией. Только серьезная последующая работа сможет подтвердить этот силлогизм, но результат кажется правдоподобным и близким к тому, который можно было бы предсказать, основываясь на модели Мура.

Если Чехословакия была наиболее демократическим государством в межвоенной Центральной и Восточной Европе, то Венгрия была наименее демократическим. Когда в октябре 1918 года произошел распад Габсбургской империи, один из немногих по-настоящему демократических политиков в Венгрии Михай Каройи попытался создать либеральное правительство, которое западные демократии сочли бы умеренным, но он почти не получил поддержки общественности или венгерских политических элит. Испытывая давление со стороны иностранных держав и левых революционеров, правительство Каройи просуществовало только до мая 1919 года. Советская республика Бель Куна продержалось до августа, когда вторжение румынской армии позволило прийти к власти контрреволюционному режиму под руководством адмирала Миклоша Хорти. После закрепления этого консервативного режима стабильность была восстановлена к 1921 году, когда премьером стал Стефан Бетлен, установивший контроль над политической системой при помощи сфальсифицированных выборов и жестких действий своей собственной партии. После ухода консервативного правительства Бетлена в 1931 году, Венгрия испытала на себе все тяготы депрессии и бразды правления перешли в руки людей и движений, политика которых была близка к фашизму, хотя экстремисты взяли власть лишь в самом конце Второй мировой войны.

Никто и никогда всерьез не рассматривал вопроса о том, почему политическая культура Венгрии была столь враждебной к демократии. В венгерской политике господствовала землевладельческая аристократия. К XIV веку король и знать стали равными партнерами в осуществлении власти, а с 1608 года двухпалатный парламент последовательно проводил в жизнь права знати. Избираемая на местах знать правила венгерскими округами, а во многих городах существовало самоуправление. В эпоху Средневековья Венгрия экспортировала значительные объемы меди и скота и импортировала качественный текстиль из Западной Европы.²⁴ Парадоксальным образом, когда в XVI веке Венгрия перешла под власть Османской империи, экспорт — особенно крупного рогатого скота — только вырос. В середине XVI века Венгрия через венский рынок поставляла 100 тысяч голов крупного рогатого скота в процветающие города Южной Германии.²⁵ С другой

24. Zigmund P. Pach, "The Transylvanian Route of Levantine Trade at the Turn of the Fifteenth and Sixteenth Centuries," *Studia historica* 138 (1980). См. также: Ingomar Bog, ed., *Der Aussenhandel Ostmitteleuropas, 1450-1650* (Vienna and Cologne: Bohlau Verlag, 1971).

25. Zigmund P. Pach, "The Role of East-Central Europe in International Trade (XVI-XVII Centuries)," *Etudes historiques*, 4 (Budapest, 1970): 217-264; Zigmund P. Pach, "The Shifting of International Trade Routes in the 15th and 16th Centuries," *Acta Historica*, 14 (1968):

стороны, импорт текстиля сместился на Балканы и Ближний Восток, тем самым отдалив Венгрию от западного влияния в этом ключевом секторе. В XVII веке, когда рост атлантической торговли изменил структуру западноевропейской экономики, а южногерманские города начали приходить в упадок, торговля скотом резко сократилась, и венгерская знать, сохранившая свои права собственности, несмотря на османскую оккупацию, в торговле скотом все больше стала ориентироваться на Австрию.²⁶ Поэтому, несмотря на наличие благоприятных возможностей для накопления капитала в XVI веке, когда экспорт скота процветал, изоляция Венгрии от центра новой мировой экономической системы в XVII веке привела к тому, что она осталась неинтегрированной в эту систему и сохранила неизменной социальную организацию аристократии. В отличие от Богемии, количество мануфактур, появившихся в Венгрии, было незначительным, поэтому, когда к концу XVII века Габсбурги установили контроль над Венгрией, социальное влияние землевладельческой и скотоводческой знати — и ее традиционных политических практик — было полностью восстановлено.

В XVIII веке три процесса обеспечили сохранение социального господства венгерской аристократии. Первый был вызван экономическим упадком и политикой Вены, направленной на его преодоление. Война, сокращение внешних рынков, быстрый рост населения и практики, призванные защитить землевладельцев, способствовали упадку в XVIII веке.²⁷ Торговая политика Марии-Терезы гарантировала, что Венгрия не будет пытаться решить эту проблему, обратившись к созданию мануфактур или промышленных предприятий, которые императрица приберегла для Австрии. В 1756 году корона установила дифференциальный тариф на готовую продукцию, поставляемую из австрийских земель в венгерские и наоборот, который способствовал развитию торговли австрийскими готовыми товарами и венгерской сельскохозяйственной продукцией. Когда позднее канцлер Кауниц поддержал строительство каналов и оросительной системы с целью увеличения экспорта венгерского зерна в Австрию, экспорт зерна стал превосходить экспорт скота, шерсти и вина как основных статей венгерского сельскохозяйственного экспорта. В 1783 году венгерский экспорт скота еще превышал экспорт зерна в 1,6 раза, но к 1834 году соотношение изменилось и составило почти 4 к 1 в пользу зерна.²⁸ Темпы роста производ-

287–321; Laszlo Makkai, “Der Ungarische Viehhandel, 1550–1650.” In Bog, *Aussenhandel Ostmitteleuropas*, pp. 483–506; Krystyna Kuklinska, “Central European Towns and Factors of Economic Growth in the Transition from Stagnation to Expansion between the Seventeenth and Eighteenth Centuries,” *The Journal of European Economic History* 11 (1982): 105–115.

26. Peter Sugar, *Southeastern Europe under Ottoman Rule, 1554–1804* (Seattle: University of Washington Press, 1977), p. 20; Istvan N. Kiss, “Die demographische und wirtschaftliche Lage in Ungarn vom 16–18 Jahrhundert,” *Südost-Forschungen* 42 (1983): 211.

27. Kiss, “Die demographische und wirtschaftliche Lage,” p. 219. См. также: I. Kallay, “Management of Big Estates in Hungary Between 1711 and 1848,” *Studia historica* 146 (1980).

28. Andrew C. Janos, *The Politics of Backwardness in Hungary, 1825–1945* (Princeton: Princeton University Press, 1982), p. 36.

ства зерновых в Венгрии в 1780—1850-х годах составляли примерно 1,2% в год, что было большим успехом, но именно из-за того, что этот успех устранил всякую потребность в нововведениях, он не способствовал развитию промышленности даже в протоиндустриальном виде.²⁹ Состояние транспорта по-прежнему оставалось плачевным, городская жизнь приходила в упадок, крестьянская жизнь находилась в стагнации, но земельная аристократия по-прежнему оставалась у власти.

Второй чертой XVIII века была борьба между правителем и венгерской знатью за влияние на венгерский политический процесс. В 1687 году после своих первых побед над османами Леопольд I заставил парламент признать себя наследственным правителем Венгрии, нарушив тем самым избирательную традицию, восходящую к 1301 году. Казалось, что Габсбурги намеревались австриизировать венгерскую знать, как они поступили с богемской аристократией после битвы при Белой горе. Но венгерская знать сопротивлялась, даже бунтовала, и в 1723 году Карл VI поклялся поддержать венгерскую конституцию (то есть предоставить венгерскую знать самой себе) взамен на признание парламентом наследственных прав Габсбургов — мужчин или женщин — на правление. Мария-Тереза шла на уступки венграм, когда она нуждалась в них в войне с Фридрихом Великим, но она также не упускала возможности ослабить их. После 1764 года она избавилась от парламента, попросту не созвав его, и стала править с помощью указов. В то же время она привлекла многих крупных представителей венгерской знати в Вену, где у них сформировались тесные связи с короной. Иосиф II пошел еще дальше своей матери в своем стремлении ослабить венгерскую знать, попытавшись отменить традиционное окружное правление. Пренебрежительное отношение Марии-Терезы и антипатия Иосифа вызвали так называемую феодальную реакцию (после смерти Иосифа), которая вынудила Леопольда II восстановить былые привилегии знати.

Успешному сохранению традиционного политического влияния венгерской знати — особенно в посленаполеоновскую эпоху — способствовал третий процесс, закрепощение крестьянского населения. До 1750 года в Венгрии наблюдалась нехватка рабочих рук, несмотря на заселение пустующих земель, и до 1790 года расчисткой и освоением земель занимались в основном свободные крестьяне. В 1767 году Мария-Тереза выпустила урбариальный патент, определявший крестьянские повинности. Она намеревалась ограничить чрезмерные требования, предъявляемые крестьянам, но на деле патент способствовал тому, что венгерские землевладельцы стали требовать от крестьян уплаты денежного оброка и отработки барщины, на которые они прежде не притязали. В 1790—1830-х годах крупнейшие венгерские магнаты присвоили себе тысячи гектаров земель, подготовленных предыдущим поколением свободных крестьян. Результатом этих трех взаимосвязанных процессов конца XVIII — начала XIX века — относительно гладкого

29. John Komlos, *The Habsburg Monarchy as a Customs Union* (Princeton: Princeton University Press, 1983), p. 54.

перехода к производству зерна, успешной защиты знатью своих прав и подчинения крестьянства — было почти полное превращение Венгрии в страну с аграрной экономикой, находившуюся целиком под властью землевладельческой аристократии. И это тогда, когда в Богемии происходил переход от протоиндустриального устройства к индустриализации через введение текстильных машин.

Австрийская и богемская индустриализация не влияла на Венгрию напрямую, но растущая урбанизация цислейтанских земель вела к увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию, которую поставляла Венгрия. По-видимому, существует прямая связь между австрийской индустриализацией и ростом венгерского зернового производства, более или менее соответствовавшим австрийскому индустриальному развитию.³⁰ Рост австрийского рынка, отчасти обусловленный австрийским строительством стратегически важных дорог, облегчивших транспортировку зерна, побудил венгерских землевладельцев, особенно крупных, усовершенствовать свои методы ведения сельского хозяйства, создать небольшие местные предприятия, например, в стеклоделии, и увеличить свое потребление предметов роскоши, пытаясь не отстать от богатых жителей Вены и других европейских городов, которым они хотели подражать, но он не подтолкнул их к проведению индустриализации. Наоборот, к середине XIX века на промышленное производство приходилось всего 7–8% национального продукта Венгрии.

Вопреки прежнему убеждению, окончательное освобождение венгерских крепостных от трудовых повинностей в 1848 году и создание таможенного союза между Венгрией и Австрией в 1850-х годах не оказали большого влияния на изменение экономической и социальной структуры Венгрии.³¹ Индустриализация в ней началась после краха 1873 года, когда венгерское правительство начало выпуск государственных облигаций. Австрийские инвесторы, чтобы получить безопасную и высокую прибыль, начали направлять средства в Венгрию. Правительство направило этот поток капитала в инфраструктуру и совершенствование методов ведения сельского хозяйства, что стало толчком к индустриальному буму. Этот подъем продлился до 1890-х годов, когда австрийские вложения вернулись в Цислейтанию. Рост венгерской промышленности возобновился после 1906 года вместе со второй большой волной австрийского капитала.

30. Ibid., *Habsburg Monarchy as a Customs Union*, p. 52.

31. Ibid., *Habsburg Monarchy as a Customs Union*, pp. 25–51; John Komlos, “Economic Growth and Industrialization in Hungary, 1830–1913,” *The Journal of European Economic History* 10 (1981): 5–46; John Komlos, “Austro-Hungarian Agricultural Development, 1827–1877,” *Journal of European Economic History* 8 (1979): 37–60. О некоторых проблемах, связанных с этим, см.: Richard R. Rudolph, “The New versus the Old in Austrian Economic History,” *Austrian History Yearbook* 11 (1975): 35–43; David F. Good, “Issues in the Study of Habsburg Economic Development,” *East Central Europe* 6 (1979): 44–62; David F. Good, “Stagnation and Take-off in Austria, 1873–1913,” *Economic History Review* 27 (1974): 72–87; Richard R. Rudolph, *Banking and Industrialization in Austria-Hungary* (Cambridge: Cambridge University Press, 1976); Thomas Huertas, *Economic Growth and Economic Policy in a Multi-National Setting, 1841–1865* (New York: Arno Press, 1977).

Вопреки классическому образцу, венгерская индустриализация началась не с текстиля. Наоборот, предприниматели использовали относительную силу Венгрии в зерновом производстве, чтобы сделать ее основным фабричным товаром муку. В 1890-х годах Будапешт наряду с Миннеаполисом был одним из крупнейших мукомольных городов мира.³² Также преуспевающими областями являлись пищевая промышленность, машиностроение, электрическая и химическая отрасли и железнодорожное строительство.³³ Темпы роста венгерского промышленного производства в 1870–1913 годах, несмотря на очень низкие стартовые показатели, были сопоставимы с германскими и значительно превышали французские и итальянские.³⁴ К 1913 году четверть венгерского национального продукта составляло промышленное производство — не слишком много, но достаточно для того, чтобы увеличить население Будапешта до «более миллиона человек за полвека до начала Первой мировой войны».³⁵

Поэтому венгерская индустриализация вполне могла создать буржуазию, способную войти в политику, что и произошло. Но вхождение этого нового класса определялось двумя основными факторами: социальной структурой венгерской политики и характером ведущей страты венгерской буржуазии.

Две основные социальные группы создали современное государство в Венгрии. Первая состояла примерно из 160 семей, представлявших крупные аристократические кланы Венгрии, Хорватии-Славонии и Трансильвании и владевших в XVIII веке почти 40% поместий в землях короны святого Стефана. Вторая группа состояла из намного более многочисленного зажиточного нетитулованного дворянства, составлявшего почти 1% населения (еще 5–6% венгерского населения притязали на дворянское звание, но были слишком бедны, чтобы играть важную политическую роль). Не будучи баснословно богатыми, как крупные магнаты, представители нетитулованного дворянства тем не менее обычно обладали большими землевладениями. Существовали и другие привилегированные группы, например, духовенство и свободные горожане, но аристократы были лидерами венгерского общества, особенно в отношениях с Веней, а нетитулованное дворянство доминировало в окружной политике и нижней палате парламента.

32. William O. McCagg, *Jewish Nobles and Geniuses in Modern Hungary* (Boulder: East European Quarterly Press, 1972), p. 31. См. также: Joseph Held, ed., *The Modernization of Agriculture: Rural Transformation in Hungary* (Boulder: East European Quarterly Press, 1980).

33. Scott M. Eddie, "The Changing Pattern of Landownership in Hungary, 1867–1914," *The Economic History Review* 20 (1967): 294.

34. Brian R. Mitchell, *European Historical Statistics* (New York: Columbia University Press, 1976), p. 355.

35. Janos, *Politics of Backwardness*, p. 151. См. также: Nachum Gross, "Die Stellung der Habsburgermonarchie in der Weltwirtschaft," in *Die Habsburgermonarchie*. Vol. 1, *Die wirtschaftliche Entwicklung*, Alois Brusatti, ed. (Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973), pp. 12–18; Peter Sugar, "Railroad Construction and the Development of the Balkan Village in the Last Quarter of the Nineteenth Century." In Ralph Melville and Hans-Jürgen Schröder, eds., *Der Berliner Kongress von 1878* (Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1982), pp. 485–498.

Венгерское политическое развитие в XIX веке можно разделить на два общих периода: эпоху, когда дворянские реформаторы пытались либо парламентским, либо революционным путем добиться автономии или даже независимости Венгрии, и эпоху, когда это дворянство пришло на государственную службу под руководством магнатов, которые до второй половины столетия удерживали за собой политическую власть. Ни в том, ни в другом случае, несмотря на использование либеральной риторики и поддержку принципов, заимствованных из современной либеральной политической теории, ни одна из ветвей венгерской знати не собиралась отказываться от своего контроля над политической машиной.

Первый период начался с созыва парламента в 1825 году. Несмотря на все заверения короны после феодальной реакции 1790–1792 годов, во время наполеоновского периода Франц I лишь изредка созывал парламент, и то в основ-

О ВРЕМЯ НАПОЛЕОНОВСКОГО ПЕРИОДА ФРАНЦ I ЛИШЬ ИЗРЕДКА СОЗЫВАЛ ПАРЛАМЕНТ, И ТО В ОСНОВНОМ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ФИНАНСОВЫХ ЗАКОНОПРОЕКТОВ, А ПОСЛЕ 1811 ГОДА ОН ОТКАЗАЛСЯ ДАЖЕ ОТ ЭТОГО

ном для принятия финансовых законопроектов, а после 1811 года он отказался даже от этого. Когда в 1825 году парламент был наконец создан, группа молодых дворян, многие из которых обеднели вследствие безуспешных попыток вести образ жизни в соответствии с требованиями новой моды переживавшей индустриализацию Европы, начала выступать против того, что она считала габсбургским угнетением. Они не только выражали недовольство Веней, традиционное для отдельных элементов венгерской знати,

но также использовали некоторые идеи романтического национализма, порожденные Великой французской революцией. В этом смысле они были сторонниками модернизации, так как стремились перестроить венгерские законы в соответствии с принципами XIX века, но они не были ни предпринимателями, ни начинающими капиталистами. Вместо этого они искали арену общественной жизни, отвечавшую их представлениям о собственном достоинстве, которая позволила бы им достичь власти, не став при этом дельцами. Как выразился Эндрю Янош, они были «классом, отчаянно искавшим альтернативы экономическому предпринимательству».³⁶

Реформаторское движение дворянства достигло своей наивысшей точки в венгерской революции 1848 года, когда была создана недолго просуществовавшая независимая венгерская республика под руководством дворянства.

36. Janos, *Politics of Backwardness*, p. 65. См. также: Peter I. Hidas, *The Metamorphosis of a Social Class in Hungary during the Reign of Young Franz Josef* (Boulder: East European Quarterly Press, 1977). Об этом периоде в целом см.: Thomas Spira, "Problems of Magyar National Development under Francis I (1772-1835)," *Südost-Forschungen* 30 (1970): 51-73.

Подавление революции на время успокоило Венгрию, но в 1867 году удалось достичь договоренности с Венной о развитии в Венгрии своей политической системы. В 1875 году после краткого эксперимента с идеями вроде закона о национальностях, способного ослабить влияние класса землевладельцев, Кальман Тиса, нетитулованный дворянин, богатство и удачный брак которого обеспечили ему уважение со стороны высшей аристократии, установил личный контроль над политическим процессом и ввел режим узкого классового господства. Тиса довел технику подтасовки выборов до совершенства: когда горожане голосовали «неправильно» и возникали оппозиционные партии, использование в деревне механизмов открытого голосования, не прямых выборов и грубой силы позволяло правительству, преследовавшему прежде всего интересы аристократических землевладельческих классов, сохранять господство в венгерской политике вплоть до Первой мировой войны. И если после 1867 года в Богемии органы местного самоуправления служили тренировочной площадкой для политиков из среднего класса, то в Венгрии местная политика либо оставалась в руках беспокойного, но консервативного мелкопоместного дворянства, либо все больше попадала под контроль центрального правительства, то есть в руки более образованных и более искусственных, но менее консервативных представителей того же дворянства.

Отличительной особенностью буржуазии, сталкивавшейся с аристократическими политическими лидерами и их дворянским правлением, было то, что она состояла преимущественно из евреев. В начале XIX века еврейские торговцы, многие из которых недавно перебрались в Венгрию, смогли вытеснить греков, занимавшихся там торговлей в XVIII веке. Практически монополизировав торговлю зерном, евреи действовали как сословие управляющих и часто были хозяевами таверн и ростовщиками в провинциальных городах и деревнях. Во второй половине столетия еврейские предприниматели начали доминировать в крупнейшей отрасли производства в Венгрии — мукомольном деле, — контролировать значительную часть торговли зерном и руководить будапештскими банками. Как отмечает МакКагг, большинство преуспевающих евреев стали «не только членами городского среднего класса Венгрии, но и... капиталистической элитой этого класса».³⁷ Не ограничиваемые аристократическими или дворянскими моральными принципами, мешавшими этим классам заниматься предпринимательской деятельностью, евреи в то же самое время были чужаками — не венграми. Когда индустриализация 1870-х годов привела к появлению оппозиционных партий, евреи оказались крайне уязвимыми для нападков антисемитских популистов. Но Кальман Тиса, который постоянно искал союзников, стремясь сохранить политическую машину в неизменном виде, отвергал антисемитизм и даже рекомендовал Францу-Иосифу возвести в дворянский чин мно-

37. McCagg, *Jewish Nobles and Geniuses*, p. 27. См. также его ранние статьи: William O. McCagg, "Ennoblement in Dualistic Hungary," *East European Quarterly* 5 (1971): 13–26; William O. McCagg, "Hungary's 'feudalized' Bourgeoisie," *Journal of Modern History* 44 (1972): 65–78.

гих крупных капиталистов-евреев.³⁸ Позднее — в период между 1900 годом и Первой мировой войной — свыше двухсот семей венгерских евреев получили дворянское звание. Из всего множества малочисленных народов империи только евреи имели право учить венгерский. Некоторые представители этой новой еврейской знати приняли христианство, чтобы попасть в закрытые клубы Будапешта. Оказывавшие горячую поддержку правительству и тревожившиеся насчет своего статуса парий, многие состоятельные еврейские семьи становились союзниками крупных землевладельцев, помогая аристократии сохранить свое господство над политическим процессом, а евреи из среднего класса выказывали наиболее сильное из всех еврейских общин Восточной Европы стремление к ассимиляции.³⁹

Опека землевладельческого класса над венгерской индустриализацией, его доминирование в капиталистическом сельском хозяйстве с конца XVIII века и союз с важной составляющей буржуазии — все это черты процесса, который Баррингтон Мур называет «революцией сверху». Венгерской знати — и аристократической, и нетитулованной — удалось сохранить систему принудительного труда вплоть до XX века. В результате формального освобождения венгерских крепостных в 1848 году 60% крестьян остались без земли. Освобождение в конечном итоге позволило к началу Первой мировой войны несколько укрепить свои позиции сравнительно преуспевавшим мелким венгерским землевладельцам, но этот процесс начался довольно поздно — с индустриализацией 1870-х годов — и предполагал наличие большого числа безземельных сельскохозяйственных работников, которые могли использоваться для обработки полей землевладельцев и большого числа земель, находившихся в руках крупных магнатов.⁴⁰

Революция, произошедшая в середине XIX столетия, не была буржуазной; она была попыткой сменить габсбургское правление на либеральный

38. Ханак отмечал, что это вызывало когнитивный диссонанс не только у евреев, но и венгерского высшего класса в целом, который старательно подчеркивал христианский характер венгерского государства. См.: Peter Hanak, "Problems of Jewish Assimilation in Austria-Hungary in the Nineteenth and Twentieth Centuries," in Pat Thane, Geoffrey Crossick, and Frederick Floud, eds., *The Power of the Past: Essays for Eric Hobsbawm* (Cambridge University Press, 1984), pp. 235–250.

39. George Barany, "'Magyar Jew' or: 'Jewish Magyar' (To the Question of Jewish Assimilation in Hungary)," *Canadian-American Slavic Studies* 8 (1974): 1–44. Несколько хороших статей о евреях в Восточной Европе, включая переиздание статьи Барани, см.: Bella Vago and George L. Mosse, eds., *Jews and non-Jews in Eastern Europe, 1918–1945* (New York: John Wiley & Sons, 1974).

40. Scott M. Eddie, "Agricultural Production and Output per Worker in Hungary, 1870–1913," *Journal of Economic History* 33 (1968): 220–221; Antal Voros, "The Age of Preparation: Hungarian Agrarian Conditions between 1848–1914," in Held, *Modernization of Agriculture*, pp. 21–129; Ivan T. Berend and Gyorgy Ranki, *Hungary: A Century of Economic Development* (New York: Barnes and Noble, 1974), pp. 40–48; Eddie, "Landownership in Hungary," pp. 293–310. Территории, занятые хозяйствами свыше 15 тысяч актов (10 тысяч наделов), выросла с 1867 по 1914 год с почти 2, 25 миллионов гектаров до почти 5,5 миллионов (то есть с 8,5% всей земельной собственности до 19,4%). Это распределение не слишком отличается от распределения в Германии или Румынии (Eddie, "Landownership in Hungary," pp. 302–303).

этатизм под руководством дворянства. Она изменила правовой статус знати, больше не пользовавшейся сеньориальными правами и формально ставшей равной другим гражданам, и крестьян, которые освобождались от обязательных работ; но она не лишила знать чести, не перераспределила земли и не создала буржуазию.⁴¹ И хотя часть реформ 1848 года, например отмена запрета на залог земельных участков, повлияла на развитие сельского хозяйства Венгрии, венгерская индустриализация была связана в первую очередь с индустриализацией Австрии. Австрия служила рынком, который создал рыночно ориентированное сельское хозяйство в конце XVIII — начале XIX века, а в 1870-х годах она предоставила капитал, необходимый для проведения индустриализации. В обоих случаях политическая власть оставалась в руках крупных землевладельцев; во втором случае — при поддержке правительства, состоявшего из нетитулованных дворян.

На последних этапах этого процесса магнатам удавалось сохранить свою власть отчасти благодаря взаимодействию с наиболее преуспевающими представителями еврейской буржуазии, которые обменивали свой статус изгоев на доступ в правящую элиту. Точно так же, как в Пруссии юнкеры смогли прийти к согласию с некоторыми индустриалистами для сохранения своей собственности и своего статуса, венгерские землевладельцы смогли вовлечь многих представителей буржуазии из числа изгоев в союз, повысив социальный статус последних.⁴² Для такого приспособления к новым условиям требовалась большая политическая изворотливость. Как и в случае Германии и Японии, это означало создание правительства, независимого от народа, которым оно правило. И в результате сложилась венгерская политическая культура, где демократия считалась неудовлетворительным решением. Несмотря на возникновение городских и крестьянских партий и даже социал-демократической партии, во всех слоях общества, за исключением, возможно, сравнительно немногочисленного рабочего класса, аристократический идеал не вызывал возражений. Так, в 1918 году демократическое правительство Каройи осталось в одиночестве, и даже Куну едва удавалось сдерживать приступы ненависти к нему. В межвоенные годы дрейф в сторону фашизма в Венгрии оказался еще более сильным, чем даже можно было предсказать на основе модели Мура, хотя наиболее экстремистские положения этого учения не отвечали ни моральным идеалам знати, ни интересам ее еврейских сторонников.

41. Венгерские историки утверждают, что революция 1848 года была буржуазной, так как знать лишилась своих привилегий и должна была платить налоги, а все граждане получили право владеть землей.

42. Австрийские промышленники сотрудничали с венгерскими производителями зерна и муки в продаже текстиля в Венгрию и пшеницы в Австрию. Эдди называет это «браком текстиля и пшеницы». Scott M. Eddie, "The Terms and Patterns of Hungarian Foreign Trade, 1882–1913," *Journal of Economic History* 37 (1977): 351. См. также: Scott M. Eddie, "Farmers Response to Price in Large-Estate Agriculture: Hungary and Germany, 1870–1913," *Economic History Review* 24 (1971): 571–588; Scott M. Eddie, "The Terms of Trade as a Tax on Agriculture: Hungary's Trade with Austria, 1883–1913," *Journal of Economic History* 32 (1972): 298–315.

Румынская социальная структура имела много общего с венгерской. Румынские землевладения на рубеже XX века были сконцентрированы, как и в Венгрии,⁴³ либеральные реформаторы той эпохи происходили из вырождающегося класса мелкопоместных бояр;⁴⁴ крупные румынские бояре сколотили себе состояние, поставив свои огромные землевладения на службу торговле зерном; и до Первой мировой войны евреи играли важную роль в торговле, банковском деле и промышленности. Но политическое развитие Румынии не пошло по венгерскому пути. Наиболее богатые бояре не смогли сохранить свое положение к началу XX века и были отодвинуты на второй план не только румынским королем, но и бюрократией центрального правительства. После Первой мировой войны вместо косметической аграрной реформы румыны провели массовое перераспределение земель, в результате которого крупные землевладельцы были упразднены как класс. Хотя Румыния не была образцом демократии в межвоенный период, она предприняла важные шаги к созданию демократической системы. Но в конце концов действия своевольного короля, экономические тяготы, связанные с депрессией, и экспансионистская политика гитлеровской Германии привели к установлению в Румынии диктатуры.⁴⁵

История возникновения румынской землевладельческой элиты — бояр — покрыта мраком. До прихода османов румынские земли не эксплуатировались феодальной знатью, а состояли из общинных деревень, плативших небольшие подати высшему классу, жившему за счет контроля над международной торговлей, которая велась через княжества.⁴⁶ Когда после османского завоевания этой торговле пришел конец, боярам не удалось закрепить крестьян из-за низкой плотности населения и постоянной возможности ухода в горные области. Но спрос на скот и зерно в Стамбуле побудил бояр попытаться сохранить свои права на сельскохозяйственную продукцию деревень, и в XVII–XVIII веках многие пустующие земли были заняты боярами, хотя и без оформления прав собственности. У бояр было очень мало земель, которые можно было бы назвать поместьями. Они, скорее, «контролировали» деревню или были ее «господами», то есть имели право собирать десятину с тех, кто работал на земле. Румынские крестьяне также отработывали барщину, но в XVIII веке она составляла не более шести дней в году. Тот факт, что князья в основном торговали скотом, в том числе овцами, которых требовалось перегонять с пастбища на пастбище, вынуждал румынских крестьян перемещаться и осложнял боярам закрепление их за одним местом на долгое время. Еще более серьезным препятствием для

43. Daniel Chirot, *Social Change in a Peripheral Society* (New York: Academic Press, 1976), p. 147; Eddy, "Land Ownership," p. 296.

44. Andrew C. Janos, "Modernization and Decay in Historical Perspective: The Case of Romania." In Kenneth Jowitt, ed., *Social Change in Romania 1860–1940* (Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1978), p. 82.

45. Henry Roberts, *Romania: Political Problems of an Agrarian State* (New Haven: Yale University Press, 1951).

46. Chirot, *Social Change*.

закрепощения румынских крестьян был демографический спад XVIII века, вызванный рядом войн и неспособностью слабой политической системы контролировать сельскую местность. Население княжеств в 1750 году составляло всего около полумиллиона человек, и большинство валахских бояр, которые в состоянии были себе это позволить, ради собственной безопасности перебрались в Бухарест.

Бухарест был настоящим городом уже в XVIII веке по двум причинам. Во-первых, он был торговым центром для большого румынского экспорта в Стамбул. Во-вторых, он стал административным центром для иноземных правителей, присылавшихся османским правительством после 1711 года. Эти фанариотские греки из Стамбула вместе со следующим социальным слоем — боярами — составляли высшую аристократию княжеств в XVIII веке. Некоторые фанариотские семьи оставались могущественными землевладельцами и политическими фигурами в XIX веке, но крайне короткий срок пребывания у власти большинства господарей вел к политическим интригам в Бухаресте и постоянным изменениям в составе румынской элиты.

После преодоления абсолютного минимума в середине XVIII века население Румынии росло такими же быстрыми темпами, как и заинтересованность бояр в производстве зерна. Соответственно, во второй половине XVIII века количество дней, которые должен был отработать крестьянин, заметно выросло не только в Молдавии, но и в более свободной Валахии.⁴⁷ Нехватка рабочих рук в наполеоновский период создала спрос на зерновые, что побудило бояр пойти еще дальше в усилении своего контроля над крестьянством. К 1818 году проживание на землях, контролируемых боярами, стало привилегией, а не правом, и десятина, которую нужно было выплачивать за работу на таких землях, выросла до пятины. В то же время в XVIII веке среди бояр усилилось стремление передавать свои поместья управляющим, а самим жить в Бухаресте. Когда в XIX веке бояре в Бухаресте стали подражать еще более дорогому образу жизни Вены и особенно Парижа, их потребность в доходах выросла.⁴⁸ Ориентированные на получение прибыли управляющие стремились навязать крестьянам еще более жесткие условия; и когда боярам потребовался еще больший доход, давление на крестьян удвоилось.

Размытость румынских представлений о собственности, которые ограничивались правом бояр претендовать на барщину (часто заменяемую денежным оброком) и десятину, привела к росту издольных держаний, а не к складыванию крупных землевладений. В середине XIX века на территории, напрямую эксплуатируемые боярами, приходилось всего 5% обрабатываемых земель.⁴⁹ Но во второй половине XIX века возникла тен-

47. David Mitran, *The Land and the Peasant in Rumania* (London: Oxford University Press, 1930), pp. 7–21.

48. Венгерское мелкопоместное дворянство испытывало похожее чувство неполноценности. Janos, *Politics of Backwardness*, p. 44–50.

49. John R. Lampe and Marvin R. Jackson, *Balkan Economic History 1550–1950: From Imperial Borderlands to Developing Nations* (Bloomington: Indiana University Press, 1982), pp. 84, 93.

денция к возрастанию доли земель, обрабатываемых самими боярами. Мировой спрос на зерно, в том числе в габсбургских землях и Средиземноморье, побудил к еще более активному освоению плодородных молдавских и валахских низин. Одновременно, несмотря на спорадические попытки провести реформу и перераспределение земель, бояре продолжали искать способы усиления своего контроля над румынскими крестьянами и увеличения своих владений. Например, реформа 1864 года, которая должна была помочь крестьянам освободиться от барщины и вызвавшая крайнее недовольство бояр, на самом деле привела к заметному увеличению влияния землевладельцев. Впервые понятие собственности было закреплено юридически: бояре получили треть земель, ранее находившихся под их контролем, а крестьянам оставались две трети не слишком больших участков. Запретив крестьянам продавать свои участки, реформа помешала появлению середняков. Новый закон еще больше ограничивал крестьянских собственников, требуя от них компенсационной выплаты государству в течение пятнадцати лет за свое освобождение от десятины и барщины. Поскольку размер выплаты обычно устанавливался на уровне, превышавшем чистый доход от небольших держаний, крестьяне вынуждены были работать на боярской земле, чтобы получить деньги, необходимые для выплаты постепенно возраставшего долга. Закон 1864 года вывел из ведения государства тип контракта, ставший самым распространенным к концу столетия, тем самым сделав возможным подписание издольного контракта на использование части земель помещика за бесплатную обработку другой части. Поэтому к 1900 году наиболее влиятельные румынские бояре контролировали огромные земли, разделенные на мелкие издольные участки и растущие поместья, обрабатываемые крестьянами, не слишком отличавшимися от крепостных. Несмотря на размер держаний крупнейших боярских семей, который приближался к размерам крупных венгерских аристократов, особая история румынского сельскохозяйственного развития создала не сельский пролетариат, а скорее крестьянство, зависимое от издольной системы.

Часть агрессивных землевладельцев ответила на спрос на зерно в XIX веке, обратившись к зерновому производству и механизации, но в целом румынские бояре продолжали вести образ жизни рантье. Проживая в Будапеште, боярин отдавал свои земли управляющему, который должен был пересылать ему установленную сумму. Он заключал договор с крестьянами на наиболее выгодных для себя условиях, получал платежи от издольщиков и отправлял зерно на международный рынок через сеть купцов и торговцев, которые зачастую были не румынами, а греками, армянами, немцами или евреями. И хотя этот процесс вел к образованию капиталистической рыночной системы, а те, кто организовывал такую торговлю, осуществляли накопление капитала, ни крестьяне, ни бояре от этого не слишком выиграли. Опиравшиеся на издольщиков, обычно плативших натурой, арендодателей, гарантировавших поступление дохода, необходимого для жизни в Будапеште, и государство, обеспечивавшее сохранение этих удобных отно-

шений, румынские землевладельцы процветали, но они не были зрелыми помещиками. На самом деле эта система неокрепостничества была для них губительной. Поскольку крупные бояре выходили на мировой рынок не как сельскохозяйственные предприниматели, стремившиеся к получению прибыли, а как рантье, нуждавшиеся в определенном доходе, они не были заинтересованы в революции сверху, которую Мур называет ключевым элементом модернизации при сохранении власти землевладельцев в современную эпоху.

У Румынии была своя революция сверху в XIX веке, но она была проведена находившимися у власти либеральными националистами — выходцами из средних бояр, а не крупными землевладельцами. Многие активисты из числа средних бояр вступили в общественную жизнь во второй трети XIX века, испытывая такую же потребность в поддержании нового уровня жизни, как и в Венгрии, но не имея ни богатства, ни культурных инструментов. Их основной целью в 1830—1840-х годах было простое вливание в ряды двадцати или более боярских семей, которые преобладали в политической жизни при органических статутах, и они более или менее преуспели в достижении этой цели. Но второе поколение реформаторов стремилось сделать Румынию «современным» государством, в котором они могли бы получить работу, признание и богатство.

Йон Брэтиану, основной либеральный лидер периода независимости, строил новое румынское государство по французскому образцу с Бухарестом в роли Парижа. И если землевладельцы контролировали крестьянство через свое господство над местными общинами, то после 1878 года многие другие аспекты локального управления перешли в руки людей, назначенных Бухарестом или лояльных к нему. Значительную часть централизованной государственной бюрократии составляли выдающиеся старые бояре, но к 1900 году доминирующая страта в государственном управлении состояла из профессиональных бюрократов, преданных самому государству и рассчитывавших сделать карьеру на государственной службе.⁵⁰ Это не значит, что государство стало выражать заинтересованность в исправлении асимметричных социальных отношений в деревне. Напротив, обе ведущие политические партии — либералы и консерваторы (первые были партией средних дворян, вторые — партией старых бояр) — признавали необходимость сохранения крестьянского труда на издольных участках. Но, в отличие от консерваторов, либералы стремились к модернизации. Они не собирались вводить капитализм в деревне, они хотели ввести его в городах посредством индустриализации, поддержки роста румынского среднего класса и создания государственной машины, которая могла бы стать подходящим инструментом для проведения либеральной политики. Таким образом, хотя либералы не намеревались ограничивать права землевладельцев, они не считали себя и защитниками этих землевладельцев. Скорее, они были сторонника-

50. Janos, "Modernization and Decay," p. 90.

ми модернизации, национальными энтузиастами, опиравшимися на городских профессионалов и чиновников.⁵¹

Различие между развитием Румынии и Венгрии нигде не было более очевидным, чем в обеспечении руководством, проводившим политику модернизации, поддержки со стороны избирателей. Венгерские аристократы пришли в капиталистическое сельское хозяйство и использовали большое число безземельных венгерских крестьян для обработки своих земель. Тиса, который выступал в качестве представителя этих землевладельцев, обеспечил себе большинство, мобилизовав множество безземельных крестьян, чтобы компенсировать свою слабость в развивающихся городских областях. В Румынии было очень трудно мобилизовать мелких издольщиков; но Брэтиану не представлял интересов крупных землевладельцев напрямую. По закону 1884 года была создана система голосования, укреплявшая позиции городских профессионалов, рожденных его политикой модернизации и государственного строительства, а не массы закрепощенных крестьян, которые не входили в его план экономического развития.

Второе различие между Венгрией и Румынией, возможно, еще более очевидно. Контроль над государственным аппаратом был жизненно важным для румынских либералов не только потому, что его можно было использовать для проведения модернизации, но и потому, что его можно было использовать для передачи плодов этой модернизации в руки этнических румын. Румынская экономика в последней трети XIX века и в первые годы XX века развивалась в двух параллельных направлениях. Прежде всего при поддержке государства роль этнических румын в промышленности и банковской сфере выросла к Первой мировой войне настолько, что стало возможно говорить о создании румынской банковской системы и более шестисот промышленных предприятий, большинство из которых находилось в румынских руках. Но одновременно с этим происходил естественный рост еврейского сектора экономики, который не только не пользовался поддержкой государства, но и нередко вступал в противоречие с ним. В 1800 году в Молдавии проживало совсем немного евреев, и они почти не были представлены в Валахии. Но в течение столетия многие евреи из Российской империи перебрались в княжества, особенно в Молдавию. Поскольку им было отказано в правах на гражданство, даже если они родились в Румынии, в праве на владение землей и в праве на проживание в сельской местности, они вынуждены были жить в городах, становясь ремесленниками, торговцами, приказчиками и банкирами, не говоря уже о разносчиках, портных и других традиционно считавшихся не престижными занятиях. К 1900 году евреи составляли менее 5% румынского населения (в Молдавии — 10,5%; в Валахии — 1,8%), но почти все они проживали в городах: так, поло-

51. R. W. Seton-Watson, *History of the Roumanians* (Cambridge: Cambridge University Press, 1934), p. 354. Подробнее о румынской индустриализации см.: David Turnock, "The Industrial Development of Romania from the Unification of the Principalities to the Second World War." In Francis W. Carter, ed., *An Historical Geography of the Balkans* (London: Academic Press, 1977).

вина жителей Ясс и более трети жителей Бухареста были евреями.⁵² Кроме того, евреи преобладали в наиболее развитых секторах экономики. В промышленности, торговле и сфере кредитования было занято 79,1% евреев и только 13,7% румын.⁵³

С начала румынского национального движения либералы боролись против предприимчивых и преуспевающих евреев. Когда либералы получили контроль над государством, они приложили все усилия для того, чтобы ограничить деятельность евреев, которые в большинстве своем были бедными ремесленниками и мелкими торговцами. Например, в ответ на жалобы деревенских жителей на конкуренцию со стороны евреев, торговавших вразнос, правительство запретило евреям заниматься этой жалкой торговлей, тем самым лишив работы почти пять тысяч странствующих торговцев.⁵⁴ С другой стороны, некоторым евреям удавалось добиться больших успехов, особенно в тех областях, где важно было иметь связи за рубежом, например, в торговле зерном и банковском деле.⁵⁵

Несмотря на глубокий антисемитизм, многие бояре-землевладельцы сознавали, что они нуждались в еврейских торговцах зерном и что финансовые операции зачастую безопаснее было совершать в еврейских банках. Соответственно, консервативные политики проводили антиеврейскую политику более сдержанно, нежели либералы.⁵⁶ Но, в отличие от Венгрии, большинство румынских бояр не контролировало государственный механизм и не выдвинуло из своих

В ОТЛИЧИЕ ОТ ВЕНГРИИ, БОЛЬШИНСТВО РУМЫНСКИХ БОЯР НЕ КОНТРОЛИРОВАЛО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ И НЕ ВЫДВИНУЛО ИЗ СВОИХ РЯДОВ ЛИДЕРОВ, СРАВНИМЫХ С КАЛЬМАНОМ ТИСОЙ

рядов лидеров, сравнимых с Кальманом Тисой. В то же время либералы считали евреев серьезными экономическими соперниками и использовали государство, чтобы всеми правдами и неправдами побороть врага. Полное отсутствие желания у либералов искать компромисс с еврейским средним классом и неспособность консерваторов достичь его вели к расколу румынской политики и не позволяли землевладельцам контролировать развитие социальных сил в той же степени, что и в Венгрии.

Еще одним фактором, который не позволил старым боярам оказать решающее влияние на формирование румынской политической культуры, была

52. Carol Iancu, *Les juifs en Roumanie (1866-1919)* (Editions de l'Université de Provence, 1978), p. 143.

53. Nicholas Spulber, *The State and Economic Development in Eastern Europe* (New York: Random House, 1966), p. 144.

54. Simon Dubnov, *History of Jews*, 4th rev. ed. (New York: Yoseloff, 1973), 5: 630.

55. Spulber, *State and Economic Development*, pp. 100-102.

56. Dubnov, *History of Jews*, p. 633.

активная роль в румынской политике короля Кароля. Кароль был крупнейшим румынским землевладельцем, проводившим на своих землях просвещенную политику совершенствования сельского хозяйства, включая обучение крестьян. В политике он отдавал предпочтение либералам, а не консерваторам, отчасти из-за большого влияния, которое оказал на него Йон Брэтиану. Но Кароль не был идеологом. Чтобы обеспечить свое господство в румынской политике, он менял консервативное и либеральное правительства в угоду идеологии или общественному мнению. Венгерские политики имели дело только с далеким Францем-Иосифом, который, по крайней мере, гарантировал им внутреннюю автономию. Румынские же консерваторы имели дело с королем, который заменял их соперниками, когда считал это нужным. Так, если в Венгрии политическая система полностью контролировалась горсткой наиболее выдающихся землевладельцев, то в Румынии этим занимался король, а старые бояре были совершенно неспособны поддерживать такое уверенное господство.

Последним элементом, который не позволил классу землевладельцев сохраниться после Первой мировой войны, было само крестьянство. Жестокое восстание 1907 года и вооруженные волнения в 1917 году румынских крестьян убедили даже самых твердолобых политиков в необходимости аграрной реформы, чтобы избежать больших социальных потрясений. Аграрная реформа стала возможной, особенно в Молдавии, также и потому, что молдавские высшие классы вследствие своих антирусских настроений выступили на стороне Германии в Первой мировой войне, в результате чего они лишились доверия и были вынуждены вести честную игру после 1918 года. И поэтому, несмотря на неадекватность послевоенных земельных реформ из-за роста населения и невозможность распределения земель для обеспечения улучшений в сельском хозяйстве, они все же привели к разрушению землевладельцев как класса; такую цену пришлось заплатить крупным боярам за свою неготовность или, возможно, свою неспособность взять власть в послевоенном румынском государстве.

В результате, в Румынии сложилась ситуация, когда государственнический средний класс преобладал в политике, по крайней мере, в течение первых десяти лет межвоенного периода. Либералы при Йоне К. Брэтиану создали тот же централизованный режим, что был установлен Брэтиану-старшим в старом королевстве, но две сильные партии — Крестьянская партия Трансильвании и Национальная партия Регат — служили действенной оппозицией, всеми силами отстаивая новую конституцию. Объединение этих партий в Национальную крестьянскую партию привело в 1928 году к приходу к власти Юлиу Маниу. Несмотря на название, партия Маниу по-прежнему возглавлялась средним классом, а сам Маниу предпринял важные шаги к созданию в Румынии по-настоящему конституционного режима. Но усилия Маниу были тщетными, потому что после своего возвращения из изгнания король Кароль II постепенно начал подминать власть под себя, пока его диктатура в 1938 году не положила конец заигрыванию Румынии с демократией.

Случай Румынии менее понятен, чем случаи Чехии или Венгрии, с точки зрения модели Мура. Землевладельческий класс «использовал множество политических и социальных рычагов для удержания рабочей силы на земле»,⁵⁷ но результатом, по крайней мере, сразу же после Первой мировой войны, был не фашизм. Вместо этого возникла узнаваемая, хотя и слабая, тенденция к демократии. Местное фашистское движение действительно обладало определенным весом, но этот Легион архангела Михаила был мистическим движением возрождения, которое на своих ранних этапах сосредоточивало усилия на мобилизации забытых крестьян, а не на сохранении власти над ними посредством вырождающейся землевладельческой элиты.⁵⁸ Антисемитизм легионеров подпитывался традициями, введенными либералами, так что, когда Румыния попала в тень германского нацизма, и без того шаткое положение румынского еврейства обернулось катастрофой.

И все же в течение первого десятилетия межвоенного периода в Румынии были совершены важные шаги на пути к демократизации. Во многом эти скромные достижения стали возможными благодаря серьезному ослаблению влияния землевладельцев в результате послевоенных сельскохозяйственных реформ, которые, в свою очередь, были вызваны давлением со стороны революционного крестьянства — именно давления, а не механизма, описанного Муром для ситуации со слабым откликом землевладельческой элиты на коммерческие импульсы.⁵⁹ Это давление не привело к действительной революции и установлению коммунистической диктатуры, как предполагал Мур, так как аграрная реформа на время смогла успокоить крестьянство. Но сама по себе реформа была возможна только потому, что старые бояре не добились успеха в том, чтобы распространить свое социальное господство в довоенные годы на контроль над государством. Этот контроль осуществлялся либералами, несмотря на неготовность позволить влиятельной еврейской буржуазии влиться в свои ряды, тем не менее представлявшими румынский городской класс, где важную роль играли не только торговцы, банкиры и промышленники, но также представители свободных профессий и чиновники. Эта группа, включавшая даже крестьянскую партию Маниу, неспособная, по выражению Мура, «справиться с острейшими проблемами сегодняшнего дня», была сметена событиями, начало которым было положено за пределами Румынии.⁶⁰ Неспособная или неготовая предложить крестьянам что-то иное, кроме небольших участков, румынская бюрократия попросту оставила решение земельного вопроса режиму, установленному после Второй мировой войны.

Если рассматривать Сербию и Болгарию, которые, по Муру, могут служить зрелыми примерами революционного коммунистического типа, так

57. Moore, *Dictatorship and Democracy*, p. 420.

58. Eugen Weber, "Romania." In Hans Rogger and Eugene Weber, eds., *The European Right* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1965).

59. Moore, *Dictatorship and Democracy*, p. 420.

60. Ibid., *Dictatorship and Democracy*, p. 438.

и не достигнутого Румынией, обнаруживается любопытная симметрия. К сожалению, одним из требований муровского третьего типа социальной ситуации, которая, на его взгляд, нашла отражение в случае с Россией и Китаем, является присутствие старой землевладельческой элиты. Поразительно, что в случае с развитием Болгарии и Сербии в обеих странах землевладельческая элита, существовавшая на протяжении нескольких веков, была низвергнута до наступления новой эпохи. И Сербия, и Болгария имели средневековую знать, но османское завоевание истребило ее. На ее место пришли османские сипахи, владевшие землями и использовавшие барщинный труд крестьян, и янычары, сначала бывшие представителями военной элиты, но к концу XVIII века выродившиеся в простых грабителей под руководством сильной личности из местных жителей.⁶¹ Плачевное положение Сербии препятствовало созданию крепостного крестьянства в XVIII веке, но законное право на получение налогов и податей оставалось в османских руках.

Однако в первой четверти XIX века первое и второе сербские восстания (1804-1830) вынудили турецких землевладельцев покинуть Сербию. Во время этого революционного периода сербские крестьяне превратились из граждан второго сорта в свободных собственников частных наделов. Во время первого восстания местные сербские военные и религиозные лидеры действовали так, словно они могли составить новую сербскую знать, заняв места, оставленные турками, но Милош Обренович, проницательный лидер менее кровавого и более успешного второго восстания, решил, что никто, кроме него, не сможет установить власть над сербским крестьянством. Он преуспел в этом настолько, что стал, возможно, самым богатым человеком на Балканах, но в то же самое время он неизменно выступал против создания сословия крупных землевладельцев или закрепощения крестьян. Поэтому после свержения Милоша горсткой знати осталась страна, которая в социальном отношении состояла только из одного класса — крайне недифференцированного крестьянства. Ни одна из немногих выдающихся личностей, пришедших к власти в 1840-х годах, не владела более чем несколькими сотнями акров, не пыталась проследить свое происхождение от благородных предков, не вела аристократического образа жизни и не отошла слишком далеко от своих крестьянских корней. Несмотря на попытки некоторых сербских историков показать классовую дифференциацию в Сербии в 1840-х годах, если использовать обычные критерии, применяемые к другим европейским обществам, выяснится, что мы имеем дело, в сущности, с бесклассовой системой.

В Болгарии имела место схожая ситуация, но позднее и в несколько иных обстоятельствах. Болгарские торговые круги были развиты несколько лучше, чем сербские. В начале XVIII века в Османской империи сложился небольшой класс преуспевающих болгарских торговцев, называемых чор-

61. Deena R. Sadat, "Rumeli Ayanlari: The Eighteenth Century," *Journal of Modern History* 44 (1972), 346-363.

баджиями, причем наиболее влиятельная группа в этом классе находилась в Стамбуле. Тем не менее, когда в середине XIX века началось болгарское возрождение, Болгария уже была полностью сельской страной, которой правили турецкие землевладельцы и их «огреченные» или «отуреченные» болгарские союзники. Болгарское национальное сознание начало пробуждаться среди образованных болгар только в 1850-х годах, и это пробуждение приняло форму борьбы за независимость болгарской православной церкви и распространения ее влияния среди болгар в Македонии. Но когда победа русских над турками в 1878 году привела к созданию независимой Болгарии, ни чорбаджии, ни представители церкви не смогли возглавить ее. Вместо этого на конституционном собрании в Тырново в 1879 году возобладали группа либеральной интеллигенции, которая и приняла новый основной закон Болгарии. Потребовалось какое-то время, чтобы окончательно избавиться от турецких землевладельцев. И в следующем поколении события развивались таким образом, что Болгария, как и Сербия, осталась страной с крестьянами, владевшими небольшими наделами. Поэтому в простую местную систему производства и торговли постепенно вовлекались не издольщики и не сельский пролетариат, а именно эти независимые производители.⁶²

И Сербия в начале 1840-х годов, и Болгария в конце 1870-х находились в ситуации, выходящей за рамки каких-либо определений: социальный вакуум. И в обоих случаях сложился класс для заполнения этого вакуума: государство. Будучи наиболее последовательным институтом в Сербии и Болгарии — намного более богатым, намного лучше организованным и идеологически обоснованным, чем любая другая социальная организация, — государство само по себе стало господствующим классом, который отсутствовал до его появления в обеих странах.

Ко времени обретения независимости в 1878 году в Сербии уже существовало государство. После кончины короля Милоша в 1838 году его преемники создали иерархическую бюрократию, основанную на идее, согласно которой образованные, обладающие *знанием* люди должны править государством во благо нации посредством жестко контролируемой бюрократии. Но с 1858 года либеральные элементы начали агитировать за конституционный режим. Когда убийство короля Михаила Обреновича в 1868 году привело к власти четырнадцатилетнего короля, наиболее выдающийся государственный либерал эпохи Иован Ристич разработал конституционный закон, который, по его расчетам, должен был позволить ему и его союзникам править с одобрения нации, опираясь на стоворчивый парламент. Оформив введение парламента, Ристич заложил основы для появления фракций в обществе. Когда в 1880 году Ристич пал и к власти пришла группа, поддерживавшая создание формальных партий, сербские поли-

62. Прекрасное изложение болгарской истории от обретения независимости до Первой мировой войны см.: Richard J. Crampton, *Bulgaria, 1878–1918: A History* (Boulder: East European Quarterly Press, 1983).

тики стали вести борьбу за влияние над созданной наспех парламентской системой.

В борьбе за контроль над этой системой участвовали три соперничающие силы. Первой оставалась бюрократия, второй стали политики, которые приобрели известность благодаря успехам на выборах и партийной политике, а третьей был король. В отличие от Венгрии и чешских земель, но так же, как и в Румынии, король Сербии постоянно вмешивался в политический процесс, препятствуя развитию подлинной демократии. Тем не менее после обретения Сербией независимости важную роль стали играть политические партии. Наиболее влиятельной из них была Сербская радикальная партия, основанная в 1881 году и возглавлявшаяся с того времени и до 1926 года Николой Пашичем. Радикалы первыми создали в Сербии местные клубы, связанные между собой национальной организацией, первыми привлекли в партию крестьян и первыми мобилизовали значительную часть избирателей на основе программы, не прибегая к политическому вмешательству.

В эпоху независимости, наступившую после 1878 года, государство, за которое боролись эти три силы, тратило в своих интересах огромные средства, получаемые от производительных групп в Сербии — крестьянства и растущей городской страты. Это была не просто история коррумпированных политиков, использовавших государство, чтобы набить себе карманы, хотя не обходилось и без этого. Напротив, государство тратило полученные средства на крайне дорогие проекты, призванные увеличить его богатство, мощь и возможности для действия, но лишь ограниченно полезные для крестьян. Эти проекты включали создание дипломатической службы, строительство железных дорог, увеличение армии и рост бюрократии.⁶³ Улучшение сельского хозяйства, деятельности, которая могла принести значительную пользу огромному производящему классу, не являлось приоритетом. Например, в 1908 году Сербия имела только три сельскохозяйственных училища, в которых учились 222 студента.⁶⁴ Все средства, тратившиеся на эти училища, эксперименты по выведению новых сортов растений и сельскохозяйственные станции, в 1910 году составляли всего 3% бюджета министерства сельского хозяйства, который сам по себе был равен 3% государственного бюджета. В том же бюджете 23% шло на прямые военные расходы и 28% — на обслуживание долга, подавляющее большинство которых составляли проценты по займам, использовавшиеся для строительства железных дорог и укрепления армии.⁶⁵

Идеологией, наилучшим образом отвечавшей этой политике, был национализм с его оправданием расширения государства и получения все больших сумм от общества для оплаты этого. Одной из областей, где население в целом получало пользу от государственной политики, было образо-

63. Прекрасное описание негативного влияния строительства железных дорог на балканское крестьянство см.: Sugar, "Railroad Construction".

64. *Statistički godišnjak kraljevine Srbije, Knj. 12. 1907-1908* (Belgrade, 1913), pp. 277-290.

65. *Situation financière et économique du Royaume de Serbie* (Belgrade, 1910), pp. 14-15.

вание, посредством которого государство создавало опору для себя самого. Сторонники расширения сербского образования, несомненно, мыслили в категориях просвещенной нации, но они также предусматривали образовательную систему, которая прививала бы точку зрения, позволявшую признать такие государственные расходы обоснованными.⁶⁶ Как заметил Чарльз Джелавич в своем исследовании, посвященном сербским учебникам, «вплоть до Первой мировой войны сербских учеников учили сербскому национализму».⁶⁷

После убийства Александра Обреновича в 1903 году в Сербии установилась по-настоящему работающая, хотя и не слишком спокойная, конституционная монархия. Король Петр I был по своему характеру взвешенным человеком, верившим в конституционализм, и этого было достаточно, чтобы обеспечить процветание. В то же самое время политическая борьба за контроль над политическим механизмом не прекращалась. За пять лет до начала Первой мировой войны основными соперниками в политической борьбе стали избранные партийные политики во главе с Пашичем, государственные чиновники и бюрократическая группа, которую теперь олицетворяли недовольные армейские офицеры во главе с Драгутином Дмитриевичем-Аписом, и наследник престола с авторитарными амбициями Александр Карагеоргиевич. Две ветви радикальной партии сохраняли лояльность крестьянству и до определенной степени армии, хотя в ключевых отношениях крестьяне в сербском обществе не получали никакой прямой выгоды.

Почему сербское крестьянство было относительно покорным по сравнению с румынским или даже болгарским?⁶⁸ Наиболее убедительный ответ был предложен Майклом Палайретом. Он показал, что с 1860-х по 1910 год большая часть налогового бремени была переложена с крестьян на некрестьян.⁶⁹ Во время этого периода подушное налоговое бремя, возлагавшееся на крестьян, заметно сократилось по отношению к доходу, а налоги для некрестьян в реальном выражении выросли почти в четыре раза. Это происходило отчасти вследствие того, что государство стало больше опираться на косвенные налоги на товары, которые крестьяне покупали крайне редко. Сербское крестьянство вовсе не было слабым и было в состоянии при поддержке Радикальной партии или при помощи угроз в адрес противостоявшей ей Либеральной партии не допустить усиления давления на него со стороны государства.

Но, помимо экономического ответа, также должен существовать и политический ответ, поскольку болгарское крестьянство в конечном итоге стало

66. О фундаментальном характере этого процесса см.: Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991.

67. Charles Jelavich, "Serbian Textbooks: Toward Greater Serbia or Yugoslavia?" *Slavic Review* 42 (1984): 618.

68. См.: Andrija Radenic, "Karakteristicne crte buntovnih pokreta," in *Ibid.*, *Iz istorije Srbije i Vojvodine, 1834-1914* (Novi Sad and Belgrad: Matica srpska and Istorijski institute, 1973), pp. 359-366.

69. Michael Palaioret, "Fiscal Pressure and Peasant Impoverishment in Serbia before World War I," *The Journal of Economic History* 39 (1979): 719-740.

куда более радикальным, чем сербское, хотя взваленное на него налоговое бремя в XX веке также постепенно сокращалось, а реальные доходы росли. Ключевым элементом, по-видимому, служит политическая мобилизация крестьянства. В Сербии Радикальная партия успешно представляла себя в качестве защитницы интересов крестьянства с момента обретения сербской независимости. Положив в основу своей программы полупопулистские идеи первого сербского социалиста Светозара Марковича, радикалы отстаивали идеологию антибюрократизма и самоуправления, которая провозглашала своей главной целью сокращение государственного вмешательства в жизнь крестьянства. Благодаря этой программе и жесткой оппозиции Милану Обреновичу в начале 1880-х годов радикалы завоевали широкие симпатии среди крестьянства. Но Радикальная партия не была крестьянской партией. Ее создали и ею руководили интеллектуалы и профессиональные политики. Когда в 1889 году она наконец пришла к власти, то она

продолжила свое постепенное вливание в состав государственного класса, начатое десятилетием раньше.

Во время краткого пребывания у власти до 1892 года радикалы проводили политику сбора налогов, которую Палайрет назвал «услужливой» по отношению к крестьянству: партия отказалась от сбора налогов и долгов в деревне. После этого остальные правительства перестали считать политически

**РАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ НЕ БЫЛА
КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИЕЙ. ЕЕ
СОЗДАЛИ И ЕЮ РУКОВОДИЛИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПРОФЕССИО-
НАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ**

целесообразным сбор налогов в деревне, и бремя финансирования растущего государства стало быстро смещаться на некрестьянский сектор. Оказавшиеся не у дел 1892–1900 годах радикалы поддерживали в глазах крестьянства образ антибюрократической партии. И когда в десятилетие перед началом Первой мировой войны они все же заняли руководящие посты в государственном классе, хотя и в форме двух соперничающих крыльев, то продолжали опираться на давнее доверие со стороны крестьян, так как, несмотря на полное вливание партии в правящий класс, она все же сохраняла лояльность по отношению к сербскому крестьянству. Иными словами, Радикальная партия завоевала доверие крестьянства вскоре после обретения Сербией независимости и смогла сохранить его в XX веке, даже когда она сама становилась все более государственно-ориентированной. Сербское крестьянство продолжало верить в партию, помогавшую ему в прошлом, хотя сербское государство, которым правили радикалы, почти никак не помогало крестьянам справляться с проблемами, связанными с наступлением капитализма.

Болгарскому крестьянству удалось сравнительно преуспеть в течение двух десятилетий перед началом Первой мировой войны, найдя способы

сохранить скот для собственного потребления. Но это произошло после того, как первая политическая партия завоевала лояльность болгарского крестьянства, то есть намного позднее формирования государственного класса Болгарии. В отличие от Сербии, в Болгарии не было готовой государственной структуры после обретения независимости в 1878 году. Вместо этого собрание знати под руководством малочисленной национальной интеллигенции составило для страны новую конституцию. С самого начала существовали две основные точки зрения на то, что должно было делать это новое государство. Консерваторы верили, что образованная или опытная в делах управления элита должна преобладать в политике и руководить государством в патриархальной манере, тогда как либералы верили в «полное политическое равенство, которое, как они утверждали, было естественным для людей, свободных от социального деления».⁷⁰ После недолгого заигрывания с последними Александр Баттенберг, первый король Болгарии, установил свою личную власть в сотрудничестве с консерваторами. В 1885 году война с Сербией и объединение с Румелией привели к падению Александра и серьезной нестабильности.

К 1890 году политический опыт Стефана Стамбулова позволил ему восстановить стабильность, правда, ценой полного отказа от либеральных положений Тырновской конституции. В первые годы болгарской государственности Стамбулов опирался на диктаторские методы правления с тем, чтобы совладать с политическим террором, общественными беспорядками, международным унижением и финансовыми неурядицами. Но когда острота этих проблем спала, Стамбулов не отказался от использования репрессивного аппарата. Он также усовершенствовал знакомую систему чиновничьего взяточничества и подтасовок на выборах, общую для Сербии, Румынии и Венгрии, получившую в Болгарии название «партизанства». Сразу после освобождения — так болгары называют обретение независимости в 1878 году — новому государству потребовались квалифицированные управленцы. Для их привлечения оно платило впечатляющее жалование, так что к 1880-м годам образованные болгары стали считать единственно приемлемой для себя высокооплачиваемую государственную службу и часто отказывались заниматься менее престижной работой. А не получившие работу представители «чиновничьего пролетариата», как выразился один болгарин в 1886 году, шли в оппозиционные партии. Когда новая партия приходила к власти, она смещала всех сторонников предыдущего правительства со всех должностей и ставила своих людей, первостепенной задачей которых становилось обеспечение успеха новых чиновников на всех последующих выборах. При Стамбулове «партизанство» сделало политическую систему Болгарии «почти исключительной собственностью незначительного меньшинства алчных политиков», практически полностью оторванных от крестьянства, которым они правили.⁷¹

70. Crampton, *Bulgaria*, pp. 30–31.

71. *Ibid.*, *Bulgaria*, pp. 158–160.

Как и Сербия, Болгария занималась осуществлением дорогостоящих проектов, укреплявших государственную власть, но бывших малополезными для крестьянства, оплачивавшего эти прихоти власти за счет налогов. В 1890-х годах крестьяне не только платили намного больше подушных налогов, чем другие категории населения, особенно привилегированные чиновники, — эти налоги еще и заметно выросли в стамбуловскую эпоху. Как выразился Стамбулов, «крестьяне все еще могут платить».⁷²

Успех Стамбулова в создании стабильной системы, управляемой немногочисленной кликой профессиональных политиков, контролирующей податливую бюрократию, сам по себе был его падением, потому что, как только король Фердинанд укрепил свои позиции, ему удалось установить главенство над высокоцентрализованным аппаратом. В 1894 году Стамбулов был не только обесчещен, но и убит мстительными македонцами за то, что они считали политикой подстраивания под Османскую империю, и плохое обращение с македонцами. Это позволило Фердинанду укрепить свое личное правление настолько, что оно сохранялось, независимо от политических партий, правительств, крестьянских волнений или дипломатических и военных поражений, вплоть до Первой мировой войны.

В отличие от Сербии, в Болгарии борьба за центральное положение в государстве пришла к своему логическому завершению. Король превратил политические партии в простые кружки интеллектуалов, которые — на радость Фердинанду — постоянно грызлись друг с другом и были неспособны прийти к власти и обогатиться. Как и в Сербии, общей идеологией, которая оправдывала существование такой системы, был национализм, хотя в случае с Болгарией национализм был направлен на достижение особой и эмоциональной цели — приобретение Македонии. Первоначально включенная в состав Болгарии по договору в болгарском Сан-Стефано, но затем исключенная из нее по берлинскому мирному договору 1878 года, Македония оставалась краеугольным камнем болгарской национальной политики, хотя крупнейшие политики — Стамбулов и Стамболийский — понимали, что стремление к этой цели на самом деле не отвечало интересам Болгарии. Мобилизация национального общественного мнения по вопросу о Македонии отвечала интересам государственного класса, потому что она оправдывала расходы на укрепление государства и особенно армии. И в Болгарии, и в Сербии национализм служил идеологией господства государственного класса до тех пор, пока ему удавалось оставаться романтическим объединяющим кодом.

Два важных политических движения противостояли личному правлению Фердинанда и выступали с критикой государственного класса в Болгарии. Первым были левые, разделившиеся в Болгарии на два сектантских движения так называемых «узких» и «широких» и в конечном итоге оказались не у дел из-за своей излишней идеологической чистоплотности, мешав-

72. Если взять уровень 1879–1883 годов за 100, то в 1889–1892 годах он вырос до 154. Crampton, *Bulgaria*, pp. 149, 208.

шей созданию практических политических союзов, которые могли бы позволить им взять власть после Первой мировой войны.⁷³ Другой партией был Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), приступивший в 1899 году к организации болгарских крестьян в ответ на народное недовольство несправедливой налоговой политикой. Лидером этого союза был выдающийся политик Александр Стамболийский. Это отважное «дитя новой Болгарии», как назвал его Джон Белл, не согласился с идеей правительства о том, что национальная политика требует сильных военных, диктаторского короля и высоких налогов для крестьян.⁷⁴ Напротив, он считал, что Болгария должна проводить мирную внешнюю политику с целью создания Балканской федерации, что армию необходимо сократить, что король — это тяжелое и ненужное бремя и что крестьяне страдают под гнетом государственного класса. Под энергичным руководством Стамболийского союз привлек под свои знамена среднее и бедное крестьянство и стал к 1909 году наиболее сильной неправительственной партией в Болгарии, несмотря на рост благосостояния крестьян после 1900 года.⁷⁵ Призывая к нейтралитету во время Первой мировой войны, Стамболийский точно предсказал, что этот конфликт не принесет Болгарии никакой пользы. После унижительного поражения Болгарии в 1919 году он пришел к власти и попытался создать крестьянское государство — государство, в котором независимый крестьянин, собственник своего небольшого частного надела, мог бы преуспевать, освободившись от бремени навязанной индустриализации, чрезмерных военных расходов и непомерного двора.

Временный успех Стамболийского в послевоенной Болгарии вполне согласуется с идеями Мура. Болгария не имела вырождающегося класса старых землевладельцев, слабо связанного со своей деревней. Она вообще не имела никаких землевладельцев. С другой стороны, государство, которое было создано в отсутствие доминирующего класса и которое примеряло на себя его роль, само было очень слабо связано с деревней и управляло обществом в своих интересах. Тем самым было создано пространство для мобилизации крестьянского недовольства радикальной интеллигенцией. В Болгарии большая часть интеллигенции предпочла встать на сторону правящего класса, а социалисты и коммунисты, которые противостояли всей системе, были слишком догматичными, чтобы понять полезность мобилизации крестьянства. Оставался Стамболийский и БЗНС. Когда война полностью дискредитировала личное правление Фердинанда и повергла Болгарию в хаос, Стамболийский воспользовался возможностью, чтобы прийти к власти от имени крестьянства. Это близко к результату, который мог спрогнозировать Мур, но все же отличается от российского и китай-

73. Joseph Rothschild, *The Communist Party of Bulgaria: Origins and Development, 1883-1936* (New York: Columbia University Press, 1959).

74. John D. Bell, *Peasants in Power: Alexander Stamboliski and the Bulgarian Agrarian National Union, 1899-1923* (Princeton: Princeton University Press, 1977), p. 55.

75. Michael Palairret, "Land, Labour and Industrial Progress in Bulgaria and Serbia Before 1914," *The Journal of European Economic History* 12 (1983): 177; Crampton, *Bulgaria*, p. 358.

ского случаев в двух отношениях. В первую очередь Стамбольский не был сторонником модернизации в государственническом ключе, подобно российским и китайским интеллектуалам. Он не был против проведения индустриализации вообще, он был против проведения индустриализации за счет крестьянства и через механизмы государственного класса. Он полагал, что Болгария не сможет иметь процветающее крестьянство и индустриализацию, если она не перестанет тратить треть своего бюджета на военных, если она не защитит право крестьян на достойную и полноценную жизнь и не прекратит эксплуатацию одного сословия другим. Ни китайские, ни русские революционеры не верили, что жизнь, которую вели крестьяне при старом режиме, может быть современной или удовлетворительной. Стамболийский не слишком заботился о современности: он хотел спокойной жизни для крестьян.

Кроме того, режим Стамбольского не был революционным в политическом отношении. Болгария была единственной из побежденных в Первой мировой войне держав, которая после поражения не изменила своей политической структуры. Стамболийский попытался провести свою революцию в рамках, которые были заданы государственным классом и королем и в которых они все еще доминировали. Неспособный справиться с такими ограничениями он в 1923 году, как и его предшественник Стамбулов, был низложен и убит. Реставрация государственного класса вернула Болгарию на проторенную дорожку национализма, централизации, милитаризма и авторитаризма.

Каким может быть вывод из этого обзора столь различных историй стран Восточной Европы, как истории Болгарии и Чехии? Подходят ли аналитические категории Мура для описания этих малых стран? Несмотря на тот факт, что типология не вполне согласуется с историей этих стран, она не так уж далека от некоторых из них. Чешская история протопромышленности и индустриализации, по-видимому, связана с появлением чешской демократии в межвоенные годы; господство венгерских магнатов, когда капиталистическое сельское хозяйство, а затем и промышленность пришли в Венгрию, вероятно, привело к консервативному результату в межвоенные годы; а оторванность государства в Болгарии от нации создала для БЗНС, по крайней мере, на какое-то время, возможность попытаться создать крестьянское государство. История Румынии и Сербии сложнее. В Румынии доминирующая в обществе землевладельческая элита была оставлена далеко позади мелкопоместным дворянством и государственным классом, а затем и вовсе упразднена после Первой мировой войны; в Сербии способность сербской Радикальной партии завоевать лояльность сербского крестьянства одновременно с ее вливанием в государственный класс привела к появлению податливого крестьянства, хотя сербское государство действовало в интересах крестьянства не больше, чем остальные восточноевропейские государства.

Анализ Мура ведет также к полезным соображениям относительно роли крестьянства. Только в чешских землях, переживших довольно серьезную

индустриализацию, крестьянство не играло ведущей политической роли, хотя ни одно из вновь созданных государств не считало себя защитником интересов крестьянства. Дело, скорее, было в способах, которыми государство пыталось подчинить или использовать крестьянство, и в том, кто контролировал это государство. В Венгрии и Сербии крестьянством руководило правительство, хотя и при помощи различных средств и в различных социально-экономических обстоятельствах. В Венгрии землевладельческие аристократы поддерживали контроль над сельским хозяйством, в котором было занято большое число безземельных крестьян, и преуспели в навязывании всем участникам политического процесса представления об обоснованности такого контроля. В Сербии политические профессионалы мобилизовали мелкое крестьянство, национализировав его, то есть убедили его в том, что национальные интересы, определяемые государством, также являются интересами крестьян, хотя на самом деле это было не так. В результате в Сербии была наспех создана демократия, но эта демократия не угрожала господству государственного класса. С другой стороны, и в Румынии, и в Болгарии революционный потенциал крестьянства вполне мог раскрыться в полной мере. Румынский средний класс ради своей собственной выгоды ограничил крестьянство, перейдя к некрепостничеству, а затем, когда революционный потенциал крестьянства стал слишком очевидным, упразднил класс крупных землевладельцев, прибегнув к аграрной реформе, которая на самом деле не увеличила ни производительность, ни влияние крестьян. В Болгарии государство не смогло национализировать крестьян так же успешно, как сербские радикалы, поэтому, когда возникла оппозиция в виде БЗНС, появилась, по крайней мере, возможность революции, о которой говорил Мур. Однако неспособность болгарских левых ответить на сложившуюся ситуацию, наряду с инерцией старой системы, не разрушенной Первой мировой войной, привела к победе государственного класса.

Но хотя бы в двух областях аналитические догадки Мура оказываются бесполезными. Первая связана с ролью индивидов. В каждой из рассмотренных стран появлялись определенные индивиды, которые оказывали огромное влияние на окончательные результаты. Можно ли представить, чтобы результат в Чехословакии был бы тем же без Масарика? Достижения БЗНС в Болгарии были весьма скромными, пока не появился Стамболийский и своей смелостью и блеском не достиг временного успеха. Разве избрание демократически настроенного Петра Карагеоргиевича на сербский трон в 1868 году вместо сумасбродного и расточительного Милана Обреновича не изменило решительным образом направление развития Сербии? Что было бы, если Кальман Тиса был политиком из числа мелкопоместного дворянства, а не богатым мужем баронессы, а Йон Брэтиану — магнатом, а не мелкопоместным дворянином? Во всех этих случаях ключевым членом в уравнении, по-видимому, был личный успех отдельного индивида. Социальные историки, хотя и не игнорируют тот очевидный факт, что в обществе действуют люди, а не абстракции, все же не считают индивидов

по-настоящему самостоятельными; но, возможно, более пристальное рассмотрение сможет подтвердить справедливость этой идеи в случае с Восточной Европой. На этом уровне обобщения кажется любопытным, что в каждой из этих стран сильная, самоуверенная и даже безжалостная личность оказала большое влияние на окончательный исход.

Балканские правители служат примером связи между личными и структурными детерминантами. Выходцы или — в случае с Миланом — новые члены династической аристократии не были чем-то традиционным для Балкан; эти правители были пропитаны сознанием, полностью противоречившим созданию систем, совместимых с более или менее либеральными институтами, с которыми новые страны представляли перед ними.⁷⁶ Поэтому неудивительно, что в повседневной политической жизни постоянно возникали трения, неизбежно появлялось стремление установить режимы личной власти, которые, на их взгляд, отвечали их аристократическому достоинству, а в попытке создать опору, которой они не находили в местном социальном классе, они оказывали поддержку военным. В этом смысле балканские правители были классом-в-себе, аномальным продолжением европейской аристократии, действующим в том, что они считали интересами этого класса, но в обществах, где решающее значение на самом деле имело государство, а не социальные отношения.

Это подводит нас к главному недостатку Мура — его недооценке роли государства как самостоятельного участника.⁷⁷ Во всех рассмотренных в этой статье странах, за исключением Чехословакии, важную роль играли отношения с государственным аппаратом, который составлял основополагающую социальную данность. Это касается не только случаев социального вакуума в Сербии и Болгарии, но также в Румынии и Венгрии. В начале этой статьи было отмечено, что малые страны Восточной Европы не отличались от крупных стран, с которыми имел дело Мур, поскольку все они сталкивались с внешними по отношению к социальной структуре силами, оказывавшими определяющее воздействие. К этим экзогенным силам обычно относят промышленную и Великую французскую революцию или, по выражению Хобсбаума, «двойственную революцию».⁷⁸ Но проведенный нами анализ показывает, что существует третий экзогенный фактор, по крайней мере, такой же важный, как и первые два, а именно — европейская государственная система, которая уже существовала, когда произошли и Великая французская, и промышленная революции. Здесь не представляется возможным показать возникновение этой системы или даже

76. Dimitrije Djordjevic, "Foreign Influences on Nineteenth-Century Balkan Constitutions." In Kot K. Shangriladze and Erica W. Townsend, eds., *Papers for the Fifth Congress of Southeast European Studies* (Columbus, Ohio: Slavica, 1985), pp. 72–102.

77. Theda Skocpol, *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979). Подробнее об акценте Скочпол на экспансии государства в сферу идей см.: William H. Sewell, Jr., "Ideologies and Social Revolution: Reflections on the French Case," *Journal of Modern History* 57 (1985): 57–85.

78. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 12.

основных ее черт. Но факт остается фактом: когда восточноевропейские страны обрели политическое сознание, у них почти не было выбора в стиле организации, который могли принять их новые нации — это должно было быть современное государство со своим парламентом, судами, централизованной бюрократией и особой ментальностью. К тому времени, когда чехи смогли создать такую организацию, они прошли долгий путь социально-экономического развития, который подготовил их к подчинению государственной власти плюралистической демократии. В Венгрии, с другой стороны, магнаты считали государство своей собственностью и использовали его в своих собственных целях. В обоих случаях социально-экономическая ситуация не слишком отличалась от западноевропейской, где результаты были примерно похожими. Однако на Балканах введение государства по европейскому образцу произошло в социальной среде, совсем почти к этому неготовой.⁷⁹ Государство, будучи наиболее развитым институтом в балканском обществе, стало также доминирующей силой, но хотя оно действовало с использованием тех же форм, что и его прообразы на Западе, подлинное содержание его политической деятельности было намного ближе к традиционным статусным обществам, нежели к более правовым обществам, государственные формы которого оно копировало. Хотя у нас нет возможности более подробно изложить эту мысль, очевидно, что эти аспекты перехода Восточной Европы к современности не так-то просто согласовать с моделью Мура.

Однако в социальных науках теория оценивается не только по тому, насколько хорошо она объясняет факты, хотя она должна быть способна давать такое объяснение, но и по тому, насколько универсальны предлагаемые ею объяснения. Во многом теории оцениваются исходя из того, насколько плодотворными они оказываются, предлагая новые подходы к проблемам. Если теория ведет нас в направлении, позволяющем увидеть старую ситуацию в новом свете, заметить какие-то новые моменты, то она полезна. И муровский подход к изучению социальных истоков диктатуры и демократии в Восточной Европе прекрасно справляется с выполнением этой задачи.

Перевод с английского Артема Смирнова

79. Kenneth Jowitt, "The Sociocultural Bases of National Dependency in Peasant Countries." In Kenneth Jowitt, ed., *Social Change in Romania, 1860-1940* (Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1978), p. 1-30.